

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Вера ЧИРКОВА
ИСКУСНИК.
СВОБОДА И НЕВОЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Хочешь насмешить судьбу? Расскажи ей про свои замыслы. Инквар вспомнил всем известную истину, когда один за другим начали рушиться его продуманные до мелочей планы. Мирное путешествие превратилось в опасную операцию, вместо долгожданной свободы на шее повисли трудновыполнимые задания, а сам искусник из неприметного путника внезапно превратился в довольно знаменитую личность. И теперь лишь от мастерства и сообразительности Инквара зависит, суждено ли ему выжить.

Вера Чиркова

Искусник. Свобода и неволя

© Чиркова В. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Тишина была настолько полной, какой бывает лишь в глубоких подземельях, где даже вода с потолка не каплет и не шуршат вездесущие крысы. И это безмолвие дарило невероятный, переходящий в наслаждение покой постепенно воскресающему сознанию, еще с содроганием припоминающему ужасающий грохот, врывающийся в уши со всех сторон, гремющий под черепом и отдающийся острой болью в висках и темени.

Мысли скользили в голове медленно и как-то легковесно, словно бесплотные тени по пустому бальному залу, где все уже готово к приему гостей, натерты полы и расставлены букеты, но еще не зажжены свечи и не раздвинуты шторы.

«А кстати, почему так тихо?» – внезапно нарушил полусонное спокойствие первый, смятенный вопрос, и в брешь, пробитую им в умиротворенной безмятежности, в разум искусника хлынула все множась волна смятенных мыслей. Всего за пару мгновений они развеяли мирный полумрак и равнодушие и пробудили память. И та, словно штормовой вал, безжалостно выбрасывающий на берег разный мусор и морских обитателей, разом притащила кучу тревог, сомнений и задач, ждущих немедленных решений.

Где он находится? Где Лил и Ленс? Что с ними?! Где вообще все остальные? Чем закончилось нападение ночников? Почему тут так темно?

И наконец сердце холодной змеей сжало предчувствие потери, о которой искусник догадался почти сразу, но пока не решался признаться самому себе.

В мире властвовала неестественная, пугающе абсолютная тишина.

Инквар осторожно приподнял веки, через узкую щелку опасливо оглядел все, до чего мог дотянуться взором, и напрягся, обнаружив себя в совершенно незнакомом месте. Тут не было ничего и никого знакомого, да и вообще никого не было, и хотя сердце невольно сжалось от нехорошего подозрения, паниковать искусник себе не позволил.

Открыл глаза шире и еще раз, стараясь не выдать себя ни малейшим движением, внимательно изучил погруженную в мягкий полумрак комнату. Довольно уютная, пусть и недорогая мебель, вышитые полотняные занавеси на окне, такая же скатерть на столе, стоявшем неподалеку от постели. Он был виден лишь краем глаза, но поворачивать голову Инквар не решился, внезапно ощутив себя замотанным в плотный кокон. Непонятно кто и зачем его замотал, но сердце опять тоскливо сжалось, и он снова запретил себе раскисать. Пока нет уверенности ни в чем скверном, нужно верить в хорошее. Иначе сойдешь с ума еще до того момента, как выяснишь истину. Или натворишь глупостей, что, впрочем, одно и то же.

В комнате внезапно посветлело, искусник перевел взгляд правее и обнаружил, что дверь, напротив которой он лежал, уже распахнута и в комнату, держа в руках светильник и корзинки, входят Лил и Ленс. Совершенно здоровые и свободные, и Инквар облегченно вздохнул, обнаружив это, но, к своему сожалению, не ощутил той вспышки радости, какую должен бы испытать. Появление горбуни и ее брата подтвердило самые мрачные подозрения, и горечь неприятного открытия затопила душу.

Его уши не улавливали ни малейшего звука, и подопечные двигались совершенно бесшумно, как призраки. Неслышно ставили на стол принесенные с собой светильник, кувшин и миски, в абсолютной тишине раскладывали столовые приборы и даже губами шевелили беззвучно. Это открытие оказалось для Инквара намного более тяжким, чем было

бы появление толпы ночников или баронских ловцов. С теми он нашел бы способ справиться, пусть и не сразу. А вот резко нависшая над ним угроза увечности неожиданно стала непреодолимым препятствием.

Ленс внезапно что-то почувствовал, стремительно оглянулся на учителя и замер с полукроткрытым, как от испуга, ртом. Лил, сосредоточенно капавшая в ложку какое-то зелье, увидела состояние брата не сразу, а когда заметила и проследила за направлением его взгляда, и сама застыла соляным столбом, крепко стискивая в руках хорошо знакомый Инквару флакончик.

– ..., – беззвучно прошептала она, судя по едва дрогнувшему кривому роту, и искусник в который раз упрекнул себя за самоуверенность, с которой когда-то отказался учиться чтению слов по губам.

Этот способ невероятно труден и не совсем надежен, так как очень немногие люди произносят слова отчетливо и правильно. Тех, кто мямлит, заикается, глотает окончания или говорит на одном из десятков разных диалектов, – большинство, и понять по обрывкам фраз смысл их речи практически невозможно. Но иногда знание артикуляции дает возможность получать хоть приблизительное представление о сути разговора.

Опомнившийся мальчишка открыл рот, подергал сестру за рукав и снова захлопал губами, как рыба.

Лил бросилась к столу, начиная на нем что-то перебирать, и Инквар тоскливо поморщился.

Видимо, совсем плохи его дела, если даже упрямая горбуня не строит из себя ледяную статую, а помогает брату ухаживать за его фиктивным отцом. Интересно было бы узнать, что именно с ним случилось, но способа, как это сделать и не напугать подопечных, Инквар пока не придумал.

– ..., – безмолвно объявил Ленс, развернулся и куда-то бесшумно умчался, словно унесенный порывом ветра.

Лил подвинула к постели полукреслице, села в него уверенно, как садятся только на ставшее привычным место, и вызвала этим обыденным поступком новый всплеск тоски у своего хозяина.

Это сколько же он должен был тут пролежать, чтобы все успели так свыкнуться с мебелью?!

«Говорить можешь?» – Горбуня развернула светильник и подняла перед собой листок бумаги.

Инквар подумал, неуверенно открыл рот и снова закрыл. Как ни смешно было признаваться, но начинать разговаривать он почему-то боялся. Почти панически, успев припомнить, что обычно нормальные, здоровые люди слышат свои собственные слова. А он пока не знал, полностью ли здоров, и просто не был готов, произнеся первое слово, не услышать абсолютно ничего. Или вместо слов и фраз уловить лишь глухой гул, какой, как он точно знал, слышат почти полностью оглохшие люди.

Лил задумалась, несколько мгновений смотрела мимо него, по привычке чуть прикусив губу, потом снова начертала на листке несколько слов и поднесла записку к лицу Инквара.

«Если не можешь – мигни два раза».

Инквар прочел и невольно усмехнулся: похоже, девчонка намерена допросить его с пристрастием. Немного посомневался, потом уверенно мигнул один раз.

Горбуня нахмурилась, уставилась на него подозрительным взглядом, затем снова

схватила за грифель.

«Ты не хочешь разговаривать? Тогда мигни один раз!»

Ее упорство, обычно раздражавшее Инквара, на этот раз почему-то начинало веселить его все сильнее, но улыбаться искусник себе не позволил. Посмотрел прямо в зеленые, ждущие глаза и уверенно, с расстановкой, мигнул три раза.

Горбунья беззвучно шевельнула губами и снова задумалась.

На этот раз она размышляла намного дольше, минуты две, и у Инквара тоже появилась возможность порассуждать и принять решение. Очень скоро он отчетливо осознал, что как ни крути, но долго уклоняться от определения величины постигшей его беды не удастся. Да и откладывать на будущее проведение пугающего его эксперимента – тоже. Пора перестать паниковать и выяснить, насколько он теперь ущербен, а уже в зависимости от полученного результата решать, как жить дальше.

К тому же тело, постепенно приходящее в себя после то ли обморока, то ли тяжелого сна, начинало все упорнее напоминать о своих потребностях.

Лил быстро написала на бумажке новое слово и предъявила ее Инквару как окончательный вердикт суда.

«Боишься?»

Искусник покосился на нее с невольным уважением. Трудно отказать девчонке в способности мыслить логично. Как и в настойчивости в достижении поставленной цели. Он подавил вздох и аккуратно мигнул один раз, давая себе обещание в следующий раз постараться ответить вслух.

Горбунья внимательно уставилась ему в глаза, пытаясь отыскать там ответ на непонятно какие мысли, и, к изумлению Инквара, нашла-таки. Поджала дрогнувшую нижнюю губку, подперла загорелым кулачком щеку и вздохнула совершенно по-бабьи, с жалостливой полуулыбкой.

Потом вдруг протянула руку и мягко, успокаивающе погладила Инквара по щеке, словно безмолвно что-то обещая.

Этот, казалось бы, невинный жест вмиг заставил искусника насторожиться, занервничать. Слишком хорошо он за последние годы изучил женщин, чтобы не знать, какие чувства могут стоять за их сострадательными взглядами, беззаветной заботой и почти материнским желанием разобраться во всех мужских проблемах. Если по отдельности эти признаки могут и не означать абсолютно ничего, кроме добросердечия, отзывчивости, а изредка и корыстности, то объединяются воедино они лишь в одном случае. Когда женщина ни с того ни с сего вдруг сочтет кого-то своим избранником.

Хотя изредка и случаются ситуации, неизбежно вызывающие резкий всплеск совершенно искреннего дамского интереса к ничем дотоле не примечательным мужчинам. И это вовсе не внезапно свалившаяся милость кого-то из власть имущих или богатство – как раз в таких случаях чистосердечности можно не искать. Золото и истинные чувства – вещи взаимно отталкивающиеся.

Зато внезапно прорезавшийся редкий талант, а иногда и геройский или благородный поступок недавнего неудачника непременно заставляют окружающих рассмотреть его пристальнее, и тогда ошалевшему от везения счастливчику гарантированы особое приращение и ласки сразу нескольких прелестниц.

Инквар знал об этом вовсе не по чужому опыту. В те времена, когда он был еще учеником искусника, юные и не очень девы не особо баловали вежливого, спокойного парня

своим вниманием, хотя ни ростом, ни внешностью родители его не обидели. Да и даром судьба не обделила. Зато характер у него всегда был миролюбивый, вдумчивый и, как выяснилось к совершеннолетию, довольно застенчивый. Причем именно в тех вопросах, где, как он сейчас знает точно, большинство женщин ждут от мужчин скорее наглости, чем скромности.

И вдруг, всего через год после того, как Инквар встретил свое второе совершеннолетие, благодаря чистой случайности все чудесным образом переменилась.

В тот весенний вечер он сидел у распахнутого окна мансарды, где на зиму снимал комнатку, занимался выданным учителем заданием и одновременно наслаждался свежим воздухом и ароматами цветущих садов. Весна, как всегда, кружила голову ожиданием перемен, скорым отъездом в лесную избушку, где они проводили лето за сбором трав, изготовлением и усилением зелий и боевыми тренировками. Искусник не должен быть воином, но обязан уметь защищаться.

Испуганный девичий визг отвлек Инквара от перечня полезных свойств редких трав, заставил подняться со стула и взглянуть вниз. По двору, подхватив ситцевую юбчонку, с криком убегала от верзилы-бондаря цветочница Сола, дочка погибшего в начале зимы охотника. Ее мать после смерти мужа непрестанно болела, и учитель частенько передавал ей с Инкваром бесплатные зелья.

Бондарь обычно вел себя довольно прилично, но после нескольких кружек браги его характер начинал стремительно портиться. Чаус задевал всех, кто имел несчастье оказаться в этот момент поблизости, и в особенности цеплялся к девушкам, не пропуская ни одну служанку. Все они давно это знали и старались не показываться буюну на глаза, а вот Сола умудрилась каким-то образом забыть об осторожности.

Слуги и пара посетителей боязливо выглядывали из дверей и окон постоянного двора, не решаясь вступить за девчонку, бежавшую по двору уже второй круг, а Инквар, стиснув зубы от ненависти, смотрел сверху, не зная, как поступить. Была у него пилюля силы, выданная учителем на самый крайний случай, но это происшествие никак не подходило под определение крайнего случая. Наоборот, драки и приставания к служанкам – самые обыденные вещи для любого постоянного двора. Использовать сильные зелья и оружие наставник тоже настрого запретил, чтобы не выдавать себя, а слабое зелье могло и не помочь. Да и, кроме того, на другое утро после такого нападения Чаус вполне мог прийти поквитаться с обидчиком с огромной колотушкой, заменяющей ему все остальное оружие.

Но и не вступить за девушку, которой тайно симпатизировал, Инквар не мог. И когда бондарь в очередной раз пробежал мимо дома, почти нагнав выдохшуюся жертву, парень схватил большой горшок с геранью и швырнул вниз.

Посудина упала прямо перед Чаусом и разлетелась на несколько кусков, оставив посредине выложенной камнем дорожки большую черную кляксу жирного перегноя, украшенного розовенькими цветочками. Амбал поскользнулся, замахал руками, дернулся, пытаясь свернуть в сторону, но не сумел удержаться на ногах и рухнул задницей прямо в осколки.

И тотчас взвыл дурниной на весь двор, опрокинулся на бок и снова не удержался, видимо, брага была малость крепковата. Несколько раз Чаус пытался встать и снова шлепался в размазанную по дорожке грязь: Инквар имел обыкновение выливать под цветок остатки чая, и от засухи тот не страдал.

А когда верзила, весь в черноземе и цветочках, выполз на сухое место и поднял вверх

свирепое лицо, ученик искусника почувствовал, что вот теперь он и наступил, тот самый крайний случай. Пора немедленно пить заветную пилюлю, хватать приготовленный саквояж и бежать до самой сторожки лесника.

Он бы так и поступил, да вовремя заметил устремленный на него полный ужаса взгляд Сола и заинтересованные взоры премиленьких служаночек. И, разумеется, никуда не побежал.

Вежливо улыбнулся злобно оскалившемуся бондарю и ласково произнес:

– Добрый день, Чаус! Сегодня замечательная погода, не правда ли? Как твоё здоровье?

Про здоровье он прибавил просто так, из желания потянуть время, лихорадочно прикидывая, успеет ли вылезти на крышу, пока громила бежит на третий этаж, и тут же смолк, заподозрив неладное.

Лицо остолбеневшего от неожиданности бондаря приобретало все более осмысленное и даже частично задумчивое выражение, потом он неуверенно хмыкнул, отер запястьем губы и неловко поклонился:

– Большое спасибо, господин Инквар. Здоровье... это... хорошо.

Ещё раз кивнул, повернулся и потопал со двора, напрочь забыв и про успевшую спрятаться Солу, и про недопитую брагу.

Едва он скрылся из вида, бойкие служанки наградили скромного постояльца воздушными поцелуями. Впрочем, довольно скоро они по очереди заявили на мансарду, обменять их на живые и весьма горячие. Настолько жаркие, что лишь к следующему обеду парень нашёл время обдумать странное поведение Чауса. И очень скоро понял, какими путями шли в тот момент мысли бондаря.

За несколько дней до этого происшествия он продал Чаусу яд для крыс, и как раз когда получал деньги, из-под лавки выскочила откормленная и бесстыжая хвостатая гостья.

Рука сама выдернула из стола длинное шило, один из обычных инструментов травника, и в следующий момент серая нахалка лежала посреди комнаты вверх лапками.

– А чего ж вы их своим ядом не травите? – задал бондарь вполне закономерный вопрос, и Инквар, поглядев на него очень укоризненно, веско сообщил:

– Так ведь нельзя же здесь! Целебные травы везде лежат! А ну как крысы вначале по яду потопчутся, а потом, к примеру, по сушеной малине. Вот выпьешь ты чаю от простуды – и того...

В тот раз бондарь ушёл очень задумчивым.

Ну а после случая с горшком Инквар так и не удосужился спросить, чего же Чаус столь сильно испугался – его меткости или возможности получить яд? Ученику искусника вдруг стало катастрофически не хватать времени: все девицы, которые до этого считали его просто хорошим, смирным парнем, внезапно рассмотрели, какой он необыкновенно красивый, стройный, ловкий и смелый. И наперебой старались всячески доказать, кто из них достойнее его браслета.

Вскоре у Инквара голова шла кругом, но тут вовремя вернулся наставник, обнаружил возле ученика нешуточную суету сразу трех прелестниц и немедленно увёз парня в лес.

«И правильно сделал», – крепче стиснул разъехавшиеся было в усмешке губы искусник, теперь, по прошествии почти десяти лет, отлично осознававший, как сильно выручил его тогда учитель. Ведь в тот момент Инквар не был даже по-настоящему влюблен ни в одну из трех девушек, иначе не метался бы между ними, не зная, кого выбрать.

И Лил ему тоже не нужна, да и он ей, если трезво рассудить, ни к чему. Она сейчас

просто ошибается, принимая сочувствие к его бедам за особое отношение. И зря взирает на искусника таким загадочно-нежным взглядом, его этим не пронять.

Ну а если он поймет, что девчонка принимает свою влюбленность за серьезное чувство, то первым делом примет все меры, чтобы помочь ей избавиться от напрасных иллюзий. Разумеется, действовать Инквар постарается как можно деликатнее, не допустит никакой грубости или ехидства. Одаренные и без того чутки и ранимы, а когда поддаются под власть сильных эмоций, и вовсе становятся хрупче фарфоровых цветов. Однако оставить ей надежду и проявить хоть минутную слабость тоже нельзя, проверено на собственном опыте.

«Придется сварить себе зелье спокойствия», – осознал Инквар, но додумать не успел. Дверь снова распахнулась, и в комнату вслед за Ленсом ворвались полуодетые Гарвель с Дайгом.

Добежали до постели, устали на искусника внимательными взглядами, в которых сквозь тревогу ясно светились радость, забота и еще что-то, не совсем понятное, но, несомненно, доброе, и от всего этого у Инквара вдруг защемило в носу. Он болезненно скривил губы, поймал сочувствующую гримаску на лице горбуни и сразу вспомнил про данное себе обещание.

– Лил... – Собственный голос, глуховато прозвучавший под черепом, показался искуснику незнакомым, и он на миг смолк, собираясь с силами. Но тут же, не желая давать горбунье повода для жалости, как можно увереннее добавил: – Идите отдыхать.

В зеленых глазах полыхнуло откровенное удивление, быстро сменившееся недоумением, затем обидой, и наконец в них застыло столь знакомое упрямое безразличие.

«Так-то лучше», – перевел дыхание искусник.

Гарвель, коснувшись рукой плеча горбуни, с мягкой улыбкой что-то неслышно сказал ей.

Девушка крепче сжала губы, мгновение помедлила, потом не спеша встала, оправив юбку и так же неторопливо направилась к двери. Ленс смятенно глянул на нее, перевел тревожный взгляд на Инквара, и тот, не выдержав, еле заметно подмигнул ученику. Будто глаз дернулся, но парнишка все понял правильно, выдохнул облегченно и помчался за сестрой.

Темный лес, и как же он умудрился так вляпаться, охнул про себя Инквар, только теперь сообразив, что для мальчишки вовсе не было тайной внезапное нежное чувство сестры.

– Дед! – бесшумно помотал перед лицом напарника рукой Дайг. – Как ты?

– Ничего не слышу, – снова глухо буркнул Инквар.

Теперь, когда рядом были эти двое, в нем пробудилась призрачная надежда на помощь.

– Сейчас, – пообещал напарник, поднимая одеяло, которым Инквар был укутан до самого подбородка, оглянулся на Гарвеля и отдал какое-то распоряжение, как понял Инквар по следующим действиям ювелира.

Через минуту тот показал искуснику листок, на котором было начертано: «Извини, тебя пришлось привязать. Сейчас освободим».

Брови Инквара удивленно изогнулись. Это чем таким он отличился, что друзья решились на крайние меры? Но спрашивать ничего не стал, терпеливо следил, как ловко и уверенно они распутывали мягкие кожаные ремни, привязывающие его руки к телу, обернутому еще одним одеялом.

Затем распутали ноги, и Инквар, приподняв одну, понимающе усмехнулся. Как выяснилось, спал он в сапогах и верхней одежде. Это явно Дайг, наслышанный про предосторожности искусников, не разрешил его раздевать.

Гарвель осторожно освободил верхнюю часть туловища Инквара, повергнув того в невольное изумление: оказывается, его голова была плотно обложена кучей подушек и думочек и обернута грубым шерстяным дорожным одеялом.

Разматывая искусника, друзья смотрели на него с тревогой и опаской, а их руки действовали все медленнее.

– А теперь? – так же беззвучно спросил Дайг, обеспокоенно глядя в глаза напарника, и тот, сообразив, какой вопрос может их интересовать, так же глухо буркнул:

– Не слышу.

Дайг и Гарвель переглянулись, стремительно и привычно, как могут только люди, столько пережившие вместе, что между ними не остается никаких недомолвок. Инквар огорченно сжал губы – у него такого друга пока не было. Все те, кому он доверял и кто никогда не откажет в помощи, жили своей жизнью, не деля с ним своих секретов и забот.

Внезапно телохранитель наклонился, почти задев волосами щеку Инквара, потом его уха коснулись пальцы, осторожно подергали и отпустили. А в следующий момент перед глазами появилось задумчивое лицо Дайга. Он рассмотрел Инквара с уважительной серьезностью и что-то сказал.

Искусник только хмуро хмыкнул. Выходит, напарник и сам уже понял, что слух к нему не вернулся. И зря он торопливо пишет на листке слова утешения, Инквар в них ни капли не нуждается. Знал, на что шел.

– Пусти, я встану, – грубовато подвинул он друга и решительно поднялся с постели. – Где тут умывальня?

Чья-то рука потянула за куртку, но искусник бесцеремонно дернул плечом, освобождаясь, и направился в угол комнаты, к дверке, за которой не могло быть ничего иного, кроме туалетной комнатки. Дернул на себя створку, глянул внутрь и, убедившись в правоте своих предположений, решительно шагнул вперед.

А когда попытался закрыть за собой дверь, обнаружил вклинившегося Дайга.

– Я ведь могу рассердиться, – серьезно предупредил Инквар, но напарник и не подумал

пугаться.

Ответил лучшейся весельем улыбкой, сунул в руку записку и отступил, не мешая запереться на засов.

– Смелый какой, – сердито сопел искусник, отбрасывая в сторону бумажку. – Ну и чему так обрадовался, интересно? Хотел показать, какие мелкие и глупые у меня проблемы, или предложить свою поддержку? Ну пусть предлагает, отказываться не стану, куда мне без него. Но детей не брошу, пусть и не надеется. Я и калечный не беззащитная обуза. Труднее будет, не спорю, но выстою. Должен. Иначе ради чего я столько лет корпел над книгами и возился с ювелирным кофром?

Он сбросил куртку, осторожно снял сапоги и верхнюю одежду, расстегнул пояс и жилет с поредевшими запасами. Рассмотрел на рубахе засохшую кровь и признательно усмехнулся. Все-таки Дайг молодец, любой другой на его месте, обнаружив потерявшего сознание друга, постарался бы его раздеть, умыть и все тому подобное. И вместо благодарности получил бы в ладони несколько иголок с самыми разными зельями, от сонного и красящего в синюю крапинку до яда, противоядие к которому может сделать только сам Инквар.

Пригоршня пахнущего ромашкой мыла и несколько ковшей чуть теплой воды вскоре привели искусника в приличный вид и почти добродушное настроение, которое не особо портило скребущее душу сожаление.

Знал бы заранее, что ночники полезут напрямик, да еще и заложников притащат, не стал бы плотать столько зелий в надежде обнаружить всех бандитов, которых умный атаман непременно должен был отправить в тыл или оставить в засаде. В тот момент это казалось очевидным, и Инквар просто не имел права считать ночников совсем уж простаками. Дураки в их ремесле, как правило, долго не выживают. Да и был уже наслышан о пройдошливых и хитроумных, как лисы, атаманах гильдии, умеющих уводить из-под носа отлично вооруженных баронских отрядов жирную добычу.

«Но теперь поздно, да и глупо раскаиваться в той ошибке», – вздохнул Инквар, натягивая кем-то приготовленное чистое исподнее и аккуратно складывая свои вещи. Он ведь хорошо себя знает и в следующий раз в подобной ситуации снова не станет надеяться на чудо и поступит точно так же.

Выходит, зря прикрикнул на Дайга, вполне мог бы и остановиться на миг, не настолько уж спешил. Напарник ведь добра ему желал, вон даже бумажку сунул, небось что-то ободряющее написал. Нужно хотя бы прочесть, прежде чем выходить из умывальни.

Смятый и промокший листок нашелся на полу, и разворачивать его пришлось очень осторожно, пригодилось умение бережно обращаться с хрупкими вещичками. А когда удалось, не порвав, разложить бумажку на ладони, странные слова сначала не вызвали ничего, кроме недоуменной усмешки.

Инквар нахмурился – похоже, он неверно понял намерения телохранителя, но все же прочел записку еще раз и еще. А чего там читать, всего два слова: «Прочисть уши».

Звучало это оскорбительно, и Инквар точно обиделся бы, если бы не успел так хорошо изучить Дайга. И значит, в этих словах есть какой-то смысл, понять бы какой.

Указательный палец правой руки непроизвольно потянулся к уху, осторожно прикоснулся к тому месту, где, как Инквар смутно помнил, недавно жила острая, словно шип арги, боль. Внезапно чувствительная подушечка пальца уперлась во что-то шершавое, выпирающее из ушной раковины там, где должно быть углубление, и искусник озадаченно замер. Даже дышать на несколько мгновений перестал, зато мысли ошалело понеслись

пустынными смерчками, развеивая сложившийся несколько минут назад план на будущее и сдувая песок с недавно погребенных надежд.

Руки с заученной бережностью положили вещи на лавку, привычно нащупали нужные карманы, принялись доставать зеркальце, инструменты, зелья.

Работать было неудобно, и света от масляного светильника не хватало, пришлось зажечь свою алхимическую свечу из неприкосновенного запаса. Конечно, можно было выйти в спальню, попросить помощи у друзей, но заставить себя так поступить Инквар не сумел. Едва представил, с какой жалостью они будут на него смотреть, если после извлечения затычек слух так и не возвратится, как вся решимость растворилась, словно льдинка в горячем котле.

Первые клочки пропитанного воском пуха, осторожно вынутые из уха, вернули осколки памяти, постепенно, будто кусочки разбитого блюда, складывающиеся в ясную картинку. И теперь Инквар точно знал: это он сам, чувствуя, что сходит с ума от грохочущих в голове голосов, шагов и прочих, неимоверно громких, корежащих разум звуков, драл на клочки маленькую пуховку, которой обычно сметал золотую пыль, сминал ее с воском и забивал полученными шариками уши, пытаясь хоть чуточку смягчить оглушительный грохот.

И это немного помогло: до телеги, откуда несчастных комедьянтов было видно как на ладони, он сумел добраться без посторонней помощи. Инквар даже вспомнил, как рычал раскалывающие голову угрозы, стараясь припугнуть ночников, чтобы они отступили хоть ненадолго, позволив увести пленников.

А потом картина вдруг обрывалась... и чем окончился тот бой, он мог теперь только догадываться, хотя и очень боялся ошибиться.

Остатки последнего шарика воска, сидевшего в глубине правого уха, Инквар доставал особенно долго и осторожно. Сначала попытался тянуть тонким ювелирным пинцетом, но теплый воск, смешавшийся с запекшейся кровью, вынимался слишком малюсенькими крошками. Тогда, посильнее подогнув кончик особого крючка, Инквар попытался достать им остатки пробок, впопыхах забитых слишком плотно. Хотя в тот момент ему так не казалось, теперь он отчетливо вспомнил, как раскалывалась от грохота голова, а из ушей и носа временами капала кровь.

Крючок зацепил наконец несколько пушистых волоконцев, и Инквар очень бережно покрутил его, потом потянул и облегченно, со всхлипом выдохнул, ошеломленный резким появлением разнообразных звуков. За небольшим оконцем, выходящим, судя по шуму, в сторону конюшен, вовсю кипела обыденная жизнь большого постоянного двора. Ржали лошади и, погромыхая цепью, басовито лаяла собака, оживленно переговаривались постояльцы и обслуга, что-то постукивало, то ли мельничка, то ли бельевого каток, хлопали двери и звенела посуда.

И только за маленькой дверкой, ведущей в соседнюю комнату, стояла такая тишина, словно там никого не было.

А может, друзья действительно ушли? Он ведь с ними не очень-то церемонился. Даже не пожелал остановиться и понять, чего от него хотят, опасаясь бесполезных соболезнований и утешений.

Ну так ведь был почти уверен в своих выводах! И почему-то напрочь забыл про собственные ночные действия.

«Такая потеря памяти за последнее время уже не в первый раз», – с досадой вздохнул Инквар. Придется поговорить с одаренными лекарями и приготовить зелье покрепче.

Он аккуратно убрал на место все свои вещички, взял одежду и сапоги и босиком, в одном исподнем, направился в спальню, надеясь найти там свой дорожный сундук. Но сначала нужно хоть немного поесть, несколько глотков воды не столько утолили жажду, сколько пробудили в нем крайне голодного зверя.

Свою ошибку искусник осознал, едва распахнув дверцу. Никуда они не ушли, сидели за столом, сосредоточенно рассматривали какие-то бумаги и молчали.

Не произнесли недавно обретенные друзья ни слова и когда Инквар, подавив вздох, прошел мимо, сложил на угол постели принесенную одежду и открыл дорожный сундучок. Зато когда он переоделся и принялся с быстротой фокусника перекладывать свои запасы в карманы неизменного жилета и чистого костюма, то краем глаза рассмотрел, каким интересом горят взгляды искося следящих за ним друзей.

Но он и теперь не произнес ни слова и даже внимания на них не обращал до тех пор, пока, верный правилам искусников, не закончил разборку зелий и амулетов. Хотя сейчас молчал только по одной причине: слишком много опасных вещичек, которые никому не прощают небрежности, находилось в тот момент в его руках.

Не нарушали молчания и друзья, сидели и ждали, спокойно и внешне почти равнодушно наблюдая, как господин судья Эринк Варден, чистый и аккуратно причесанный, подходит к столу и садится напротив них. Однако Инквар и на гран не поверил этому равнодушию, а объясняться не спешил не из вредности или упрямства. Просто подыскивал слова, которые могли бы со всей полнотой выразить этим людям его признательность и одновременно не показаться слишком сентиментальными.

— Как думаешь, — вдруг едва слышно буркнул Дайг, не сводя взгляда с Инквара, — он нас слышит?

— Думаю, да, — само сорвалось с губ искусника. Он оценивающе оглядел огорошенно распахнувшего глаза Гарвеля и доверительно добавил: — Видишь, как понимающе смотрит.

Невозмутимо подтянул к себе тарелку с едой и взялся за ложку. Лишь несколько мгновений старые приятели неверяще хмурились, взирая на него, и вдруг заулыбались. Сначала облегченно усмехнулся Гарвель, потом негромко фыркнул, пытаясь спрятать смехок, Дайг.

Инквар не удержался, весело прыснул, и через минуту все дружно хохотали, до слез, до колик, чувствуя, как рассыпается невесомым пеплом гнетущая душу тяжесть.

— А теперь расскажите, чем все закончилось, — отсмеявшись, попросил Инквар. — Или вы тоже голодны?

— Мы хорошо поужинали, — отказался Дайг, глянул на вмиг посерьезневшего искусника и тихо пояснил: — Сейчас раннее утро. Ты спал почти сутки. Мы хотели целителя звать, но не знали, как ему тебя показывать. Поверили Ленсу, он был уверен, что ты здоров, только устал. Ты и в самом деле взял его в ученики?

— Пришлось, — со вздохом признался Инквар и тут же предупредил: — Но никто, кроме вас, не должен об этом знать. Для посторонних я его отец, а отцам свойственно читать детям нравоучения.

— Кстати, об отцах, — покосившись на Гарвеля, осторожно начал телохранитель. — Не всем нравится ремесло, выбранное для них родителями.

— Большинству, — поправил Инквар, сообразив, что этот намек неспроста. — Например, мой отец занимался лошадьми. Но мне нравилось только кататься на них... пока он не погиб. А потом появился отчим, и моей заботой стали навоз и скребок. Вот тогда я и понял,

что это совершенно не то дело, каким я хочу заниматься всю жизнь. И когда учитель предложил мне уйти из дома, я даже не сомневался.

– А мать?

– Она хорошая женщина, но больше жена, чем мать, – нехотя пояснил искусник. – Так бывает. Но я посылаю ей с оказией весточки. А кому из вас надоело отцовское ремесло?

– Мне, – твердо сообщил Гарвель. – Я теперь свободный человек.

– Это хорошее известие, – ни мгновения не раздумывал Инквар, уже уяснивший, ради чего осторожный Дайг завел этот разговор. – Ты же не откажешься поехать с нами, пока не подыскал себе дело всей жизни?

– Ты еще не все знаешь, – не пожелал воспользоваться неведением друга ювелир. – Поэтому не спеши.

– Сколько бы новостей я ни узнал, ничего это не изменит. Я давно ломаю голову, как по приезде в Трааг обезопасить детей от людей барона Корди, и не могу ничего придумать. Слишком неравны силы, он же наверняка не одного шпиона приставил следить за их матерью. И вооружены они, несомненно, самыми лучшими зельями и амулетами, это я понял по тому нападению. А воевать с ними в городе такими методами, как на пустошах, нам никто не позволит. Ловцы ведь привыкли наваливаться всем скопом, а я не могу допустить невинных жертв. Да и мать Ленса нельзя подставлять. Кроме того, есть у меня сомнения, а действительно ли она живет так свободно, как думают дети? Возможно, женщина всего лишь приманка в хорошо продуманной ловушке и соваться туда не стоит?

– Тогда нужен договор, – без обиняков заявил Дайг. – Мы же оба из гильдии наемников. Раньше я ходил с тобой по приказу Гара, он нанял меня, а его – отец. Но теперь мы оба свободные воины. И если нет заказа, то должны сообщить в гильдию или примкнуть к ближайшему отряду наемников. Если мы будем ходить с тобой по своей воле, то в случае чего у командиров не будет повода вступить за нас. Ни ночники, ни бароны не решаются нападать на наемников в городах и селах. Слишком много в наших тюремных башнях сидит важных для них людей.

– Не объясняй долго, пишите бумагу. Или нужно кого-то из гильдии?

– Далеко идти не придется, – пояснил Гарвель. – По вызову Кержана к нам на помощь пришел отряд наемников. Под утро, часа через два после того, как твой голем разогнал бандитов. Половина парней помчались их ловить, остальные довели нас до Бирайна.

– Так мы в Бирайне и все целы? – сообразил Инквар. – А голема не было, камни создания очень дороги, у меня таких нет. Это амулет иллюзии, вешаешь на любое живое существо пару заряженных камушков и привязываешь заранее созданный облик. И пока сила амулета не закончится или призрак не уйдет слишком далеко, иллюзия держится.

– Но твой голем, или кто там был, бегал шагах в шестистах от нас, в пустошах хорошо видно.

– Заяц, – лукаво усмехнулся Инквар. – И я повесил на него целых четыре камня с энергией. На всякий случай. А еще влил ему в горло зелий силы и беспечности. Чтобы он сразу не побежал в кусты.

– Ты хочешь сказать, – медленно, с расстановкой произнес Гарвель, – что я едва не опозорился от страха, обнаружив рядом с собой простого зайца?

– Ну почему простого? – задумчиво произнес Дайг. – Украшенного бусиками и вдрызг пьяного. Вот теперь мне понятно, почему он бегал зигзагами!

И бывший телохранитель снова захохотал, весело и заразительно.

– Вообще-то это очень непорядочно, – раздался от двери знакомый голос, – радоваться в одиночку.

– Мы не в одиночку, а втроем, – мигом отшутился Инквар, рассматривая до неузнаваемости изменившегося жоака.

Кержан был аккуратно подстрижен и до блеска выбрит, в глаза сразу бросалась непривычно белая кожа на месте бывших усов и бороды. И одет был тоже не так, как всегда: куда-то исчезли не только стальные браслеты и наплечники, но и кожаные штаны с курткой. В плисовых штанах и темной полотняной рубаше жоак казался не только моложе, но и намного стройнее.

– А ржете так, как будто тут собралось пол-обоза, – тотчас сменил причину наигранного недовольства Кержан, подходя к столу.

Внимательно и строго оглядел Инквара, протянул руку и положил перед ним недлинный округлый пенальчик:

– Если понадобится помощь, пошли вестника, приду хоть на край земли.

– А куда ты сейчас? – бережно взяв в руки неожиданный дар, не удержался Инквар.

– Пусть Дайг расскажет, – отмахнулся Кержан. – У меня к тебе важный вопрос: ты в гильдию наемников войти не хочешь?

– На мне обязательство, – уклончиво отказался Инквар. – Выполню, потом видно будет. Ты же наверняка слышан – у нас своя компания.

– Не хотел я тебе рассказывать, – мрачно фыркнул жоак, – да и некогда, но с вашей братией не совсем ладно. Скучно они живут в своей долине, никто не берется водить к ним обозы. И вестей оттуда никаких не приходит, я уже не одного такого, как ты, проводил. Послушай моего совета, говорю как человеку, которому по гроб жизни обязан, не ходи ты туда. Или поговори сначала с теми, кто старше. А пока прощай, отряд уходит через полчаса, мне собраться надо.

– А нам – договор подписать, – пододвигая к себе одну из лежащих на краю стола бумаг, пояснил Гарвель. – Он нас нанял в телохранители.

– Я на это надеялся, – вздохнул Кержан. – Жаль, сам сейчас не могу. Но это ненадолго, лекари пообещали.

Развернулся и вышел из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Дайг?

– Ну ты же видел комедьянтов? – хмуро глянул тот. – И женщину слышал? Возил их Кержан два лета подряд и прикипел к одной танцовщице на канате. Аж белел, когда Бенни через огонь на высоте крыши прыгала. И она к нему тянулась, но остаться не захотела, со своими ушла. Видимо, кто-то из путешественников донес об этом ночникам, вот они и поймали ватажку Мерея. Я сразу понял, кто за твоей сторожевой линией стоит, когда псы заюлили. Кержан только ей разрешал их кормить и баловать.

– Она жива?

– Все живы, но без хороших лекарей долго не поднимутся, поэтому половина наемников возвращается в крепость и увозит их с собой. Кержан едет с ними, не хочет оставлять Бенисию. Да и нельзя ее оставить, вся в синяках и ссадинах, взгляд запуганный. Над остальными лицедеями тоже издевались по-живодерски, старику-музыканту пальцы переломали... – Дайг яростно скрипнул зубами. – Теперь понимаешь, за что я всех бандитов так ненавижу?

– И я, – не пожелал, как обычно, смолчать Инквар. – Но знаю случаи, когда люди

попадали туда не по своей воле. И уйти не могли.

– Я тоже знаю, на своей шкуре испытал. Поэтому можешь мне поверить, когда говорят, будто не могут уйти, – это ложь. Я же ушел. Причем очень просто – когда на нас напали наемники, притворился раненым и свалился в овраг. Гильдийцы раненых не добивают, с тех пор я с ними.

– Так ты точно знал, что не добивают, а атаманы говорят обратное, – внезапно вмешался молча писавший бумажку Гарвель и сразу перевел разговор на другое: – Вот, читайте и расписывайтесь, потом пойду к командиру, отдам копию и поставлю печать. Кстати, Ленса с сестрой прислать? Она тут от тебя, как клушка от цыпленка, не отходила.

– Не к добру это, – сухо буркнул Инквар, не собиравшийся никого посвящать в личные проблемы. С него и Ленса достаточно.

Наемники понимающе смолчали и принялись рассказывать последние новости.

– Ох ты, какие к нам гости-то! С добром, с добром! – отпирая ворота, приговаривала крупная загорелая женщина в простом платье из некрашеного полотна. – Милости просим!

Однако створку приоткрыла только одну и, едва впустив всадников в огороженный высоким забором двор, сразу же плотно прикрыла, не забыв беззвучно задвинуть хорошо смазанный засов.

– К черному входу, – бросила еле слышно, и маленький отряд послушно потрусил в ту сторону.

Желания спорить или переговариваться с хозяевами ни у кого не возникло, да и усталость заставляла покорно исполнять указания.

Вот уже четвертый день, отправив с обозом удобную карету, якобы проданную командиру наемников, Инквар с друзьями и подопечными путешествовали верхом. Пользуясь картой Дайга, на которой все принадлежащие людям гильдии дома и имения были отмечены условными значками, добирались от поселка к поселку в обществе случайных путников, а зачастую только своей компанией.

Внешность всем пятерым пришлось сменить сразу после отъезда из Бирайна. Заканчивая в то утро ранний завтрак, искусник уже четко осознавал, с какой безжалостной легкостью судьба снова сломала его планы. Больше они не могли, как прежде, ехать вместе со своим обозом, хотя вряд ли кто-то из атаманов решился бы снова напасть на путешественников, защищенных отрядом из полусотни отборных воинов.

Да и подготовить новое нападение гильдия ночников уже не успевала. По словам комедьянтов, Исмер из своего логова, где держал их несколько дней, и к пустоши-то мчался как сумасшедший. Поил зельем силы лошадей и менял их на свежих во встречах поселках. Разумеется, силком. Никто из селян никогда добром не отдаст собственноручно выращенного жеребца, да еще и не за деньги, а за едва живого, загнанного коня.

Но Инквар опасался вовсе не нападений, а соглядатаев. В каждом крупном селе, где пройдет обоз с необычайно сильной охраной, найдутся недобрые глаза, которые всех запомнят и пересчитают. Подлость – самый древнейший способ заработка, что бы там ни гласила молва. Потому-то искусник в первый же день попросил травниц, в домике которых они остановились на обед, помочь со сменой личин.

– Я – Поля, ваши комнаты наверху, а коней привяжите у крылечка, сами уведем, – мягко пропела женщина и добавила: – Ключей там нет, а банька и все прочее внизу, вон в той пристройке. Можете сначала умыться, ужин принесем через полчаса.

– Спасибо, – бархатным баритоном проникновенно поблагодарил хозяйку Гарвель и строго глянул на двух почти одинаковых ростом темноволосых парнишек. – Нев, идите мойтесь, мы пока отнесем вещи.

Инквар, превратившийся в смуглого брюнета с кокетливыми усиками, подхватил саквояж и пару дорожных мешков и направился к крыльцу, тайком провожая подопечных взглядом. В этот раз парнишка из Лил получился похожим на полукровку скотоводов, и здесь, на границе восточных и южных районов, никого не удивляло ставшее узкоглазым лицо. Смешанные браки были в этих местах весьма популярны, верные древним традициям южане не любили отдавать своих дочерей замуж без солидного выкупа. Ну а богатые мужчины юго-восточных баронств ценили послушных и домовитых степнячек, позволяющих сэкономить

на слугах.

Однако самой Лил ее новая внешность, наскоро созданная умелыми травницами с помощью красок и простых подручных средств вроде яичного белка, явно не понравилась. После преобразования девчонка замкнулась и перестала разговаривать не только с Инкваром, но и с его друзьями.

Даже замечания Ленсу, которого пришлось на несколько дней переименовать в Сана, в случае необходимости цедила сквозь зубы. И в угадку с ним больше не играла, а все порядком затертые пряники равнодушно сжевала во время привалов. Утешало только одно: важные просьбы и указания вредина все же выполняла, но так же молча и равнодушно.

Ленс посматривал на нее несчастными глазами и тоже помалкивал. Не захотел он ничего отвечать и на вопросы «отца», лишь жалобно сопел, и Инквар догадывался почему. Видимо, сестрица предусмотрительно взяла с него клятву, нарушение которой грозило мальчишке чем-то серьезным.

Нет, искусник и мысли не допускал, будто Лил способна обидеть брата, скорее всего, она его просто шантажировала, однако и не сочувствовать парнишке не мог. И в отместку на вечерних занятиях, с которых не выгонял никого из спутников, Инквар неизменно объяснял ученику правила поведения, которые каждый его коллега считает для себя непреложными. С обычными людьми, разумеется. К необычным у искусников в каждом случае полагался свой подход.

– Знаешь, – неожиданно заявил Дайг, когда они, распределив маленькие спаленки, вернулись в более просторную столовую, – мне кажется, встреча с матерью этой злюки будет не особенно приятным событием, и заранее тебе сочувствую. Но мы подумали и решили – глупо заявляться к ней в дом сразу всей толпой, сразу попадем на заметку шпионам Корди. Да и в город лучше бы въехать порознь. Мы найдем жилье и дадим тебе знать, а детей предупредим, молчать они умеют, доказали.

Он незлобиво ухмыльнулся и ожидающе уставился на Инквара.

– Я и сам так думал, – вздохнул искусник. – И еще намерен сначала снять комнату и несколько дней пошляться по городу. Слышать то, чего не слышат другие, я умею.

– Слушай, только поосторожнее, чтобы тебя снова связывать не пришлось. Мы тоже последим, а встречаться будем на рынке. Там у них есть фонтанчик, возле него, скажем, в полдень. О знаках договоримся, Гарвель начал писать.

– Пусть не тратит время, я наизусть помню три списка, дам вам какой попроще, – пообещал искусник, раздумывая о том, как сообщить об этом Лил. И когда лучше это сделать, прямо сейчас, чтобы дать девчонке время поразмыслить, или позже, ведь в Трааг, если ничего не случится, они прибудут только послезавтра к вечеру.

Наверное, все же лучше утром, решил он наконец и непонятно почему с облегчением вздохнул: объясняться с холодно поджимавшим губы смуглым пареньком с каждым днем становилось все труднее. Обычного непринужденного общения, какое бывает между путниками, связанными общими интересами и одним делом, не получалось, и это напряжение исподволь делало путешествие более тягостным, чем оно могло бы быть.

– Нет, – твердо заявила за завтраком Лил, едва выслушав объяснения Инквара. – Так делать не будем. Как только стемнеет, мы с Ленсом сразу пойдем домой, а вы устраивайтесь где хотите. Если Ленс заметит что-нибудь неладное, подадим вам знак. А если знака не будет, то на другой день Эринк придет в гости к обеду, чтобы лично все проверить и

получить благодарность моей матери.

Инквар поспешил откусить огромный кусок колбасы и принялся яростно жевать, стараясь держать себя в руках и не сорваться, не прикрикнуть на эту сумасбродку. Она снова попыталась взять на себя решение всех проблем, не принимая во внимание ни опыт, ни знания тех, кто пытается их спасти.

– Глупый план, – зло фыркнул Дайг. – С чего ты взяла, что шпионы барона сидят в гостиной твоей матери и пьют с ней чай? Да они могут следить за вашим жильем откуда угодно, из соседней лавчонки или дома, с какого-нибудь чердака или башни! В подозрительные трубы, усиленные искусниками, почти за тысячу шагов все видно и слышно, как будто находишься рядом, и все, кто занимается слежкой, такие имеют. Эринк прав, нужно пожить тихо и все разведать... если ты, конечно, еще не решила выйти замуж за Юбельда.

Слушая эту возмущенную речь, Инквар искоса следил за лицами подопечных и мрачнел все сильнее. Напрасно Дайг тратит время и слова, они уже выбрали свой путь. И судя по упрямо поджатым губам Лил да по тому, как, упорно не поднимая от стола взгляда, несчастно мнет в нервных пальцах кусочек хлеба ее братишка, выбор был далеко не прост. И не сразу сестре удалось убедить Ленса, но, насколько успел изучить его Инквар, раз мальчишка дал ей слово, то уговаривать его уже бесполезно.

Искусник подавил тяжелый вздох, схватил кружку с чаем и принялся глотать так жадно, словно не пил не менее пары дней.

– Учитель, – тихо сказал вдруг мальчишка, отбросил истерзанную краюшку и взял в руку нож, – ты говорил, нужна капля моей крови...

– Стой! – крикнул Инквар, пытаясь ему помешать.

Поздно. Поперек указательного пальца Ленса уже пролегла тонкая полоска, быстро наполняющаяся алой кровью, а на губах Лил застыло страдальческое выражение. А через несколько мгновений она спохватилась, резко поднялась из-за стола, грубо отшвырнула попавшийся на пути стул и выскочила из комнаты.

Дайг вскочил с места, намереваясь проследить, куда помчалась эта сумасбродка, но Инквар остановил его, отрицательно мотнув головой. Никуда девчонка не денется, но сейчас к ней лучше не подходить.

– Ну зачем ты так? – мягко укорил он ученика, с привычной стремительностью доставая инструменты, зеркальце, зелье. – Я бы намазал обезболивающим и легонько кольнул.

Но уже и сам осознал, почему Ленс так неожиданно пожелал при всех повторить проведенный ими тайком ритуал привязки поискового заклятия. Хотел наглядно показать Лил, насколько не согласен с ее решением и как сильно сожалеет о данном сестре обещании.

– Такова жизнь, – вдруг подмигнул Ленсу ювелир. – Женщинам всегда кажется, будто без них ни одно дело правильно не сделается!

– Не всем, – из чувства справедливости заступился за женщин Инквар, бережно капая на порез зелье регенерации.

Разумеется, по меркам искусников, непозволительная и даже глупая расточительность, этой капли хватило бы заживить ранку от кинжала или стрелы. Но будет неправильно, если Ленс пожалеет о своем порыве, да и от колких взглядов сестрицы хотелось его уберечь.

– Ну да, – задумчиво согласился Гарвель. – Степнячки никогда не спорят, если правильно воспитаны. Жаль, больно уж выкуп за них большой берут!

– Зато скучные, – состроил делано пренебрежительную гримасу Дайг. – Представьте только, каким унылым было бы наше путешествие с послушной и трудолюбивой степнячкой!

А тут каждый день просыпаешься и гадаешь, какие еще сюрпризы тебя ждут!

– Она не поэтому, – дую на палец, хмуро отозвался мальчишка, помолчал и неуверенно добавил: – Это папа назначил ее командиром.

– Над тобой, – не пожелал смолчать Дайг. – И это правильно. Она старше, сильнее и опытнее тебя. Но не над нами! И вот этой простой истины она никак не может понять! Ну, допустим, мы с Гаром не можем создать такое чудовище, как твой учитель, чтобы сбежала целая банда, но бывало укладывали и по десятку бандитов, когда доводилось с ними встречаться. И возле шатров они нас почти захватили только благодаря помощи сильного искусника, лицедеи видели среди ночников человека в черной одежде.

– Это еще не доказательство, – буркнул Инквар, не желая, чтобы ученик плохо думал про его коллег.

– Возможно, – уклончиво согласился телохранитель. – Но я точно знаю, ночники предпочитают грязные цвета, тогда легче прятаться. Они же как стервятники – всегда нападают исподтишка. А одаренные, особенно те, кто вынужденно служит баронам, почему-то всегда в черном. И заставить их носить другую одежду невозможно... как мне говорили.

Искусник искоса глянул на него и отвел взгляд: объяснять друзьям эту тайну он не имел никакого права. Когда-то давно один из первых искусников, Лахвор, придумал гениальный артефакт. Хотя сказать «придумал» – это слишком просто, мастер несколько лет работал, пока подобрал формулу и камни, проходя через которые магия окрашивала все надетое на хозяина амулета в жгуче-черный цвет. Можно было каждый день надевать новые разноцветные вещи, через час или меньше они становились непроницаемо-черными. Через некоторое время Лахвор начал делать такие амулеты десятками, но особого спроса они не нашли. И вдруг к нему пришли с предложением коллеги. Договорились они очень быстро, мастер собрал и выкупил все изготовленные ранее амулеты, объяснив это якобы обнаруженным вредным влиянием на печень. Вскоре все забыли о неудачном изобретении, благо в те времена талантливые одаренные делали невероятные открытия едва ли не каждый день.

Теперь лишь посвященные знают, что изобретение Лахвора не забыто и не потеряно, и каждый ученик, становясь мастером, получает от учителя несколько полезных вещей, среди которых обязательно есть ключ свободы. Небольшой иссиня-черный камень, вставляемый в неснимаемый личный амулет, в случае попадания мастера в неволю активируется особой фразой или крохотной капелькой крови и с этого момента будет неизменно окрашивать всю одежду раба в черный.

Этот цвет – знак для братьев и одновременно предупреждение об опасности и клятва верности мастерам и их законам. Те из искусников, кто сдался и смирился с судьбой, черного цвета не носили, раз и навсегда выбросив подальше свой ключ.

– Но я сейчас говорю не об этом, – не дождавшись пояснений Инквара, упрямо продолжил Дайг. – Мы все почти в два раза старше твоей сестры и в несколько раз больше видели и пережили. Ведь нельзя же считать за жизненный опыт младенческие годы человека, когда он со всех сторон окружен заботой и любовью. Да и судьба у всех людей складывается по-разному. Нет, я не хочу никого поучать, но, по-моему, это либо детская самоуверенность, либо бабская блажь – пытаться решить сложную проблему в одиночку, когда рядом есть опытные люди, готовые помочь.

– Ты собираешься ей об этом сказать? – с интересом глянул на друга Гарвель.

«Да он уже сказал, – хмуро усмехнулся искусник. – Ведь думает, что Ленс все

перескажет сестре». А вот он, Инквар, теперь в этом не очень уверен, похоже, мальчишка начинает понемногу взрослеть.

– Не нужно, – подтвердил его мысли ученик, бросил на учителя быстрый взгляд и тихо попросил: – Не сердитесь на нее. И не спорьте...

Инквар мог бы найти не один веский довод, способный если не убедить мальчишку, то хотя бы поколебать его уверенность в правоте выбранного сестрой пути, но в голосе Ленса оборванной струной прозвенела недетская боль.

– Хорошо, – твердо пообещал искусник и, не таясь, достал из кармана флакончик.

Зелье спокойствия было ему сейчас просто необходимо. За время, оставшееся до приезда в Трааг, Инквар собирался продумать все способы, какими будет действовать, если подопечные окажутся в опасности.

Хотя он и уступил сейчас мольбе ученика, но даже и не подумал отказаться от своих намерений, несмотря на кажущуюся неверность такого решения. Ведь по закону этих мест Лил уже взрослая девушка и вполне имеет право делать все, что ей захочется. И никого не касается, какие беды могут принести ее необдуманные поступки.

Как ни горько было признавать, но это знакомая, десятки раз испытанная им горечь. Инквар давно заметил одну необъяснимую странность: многие люди из гордыни или упрямства предпочитают страдать и терпеливо сносить удары судьбы, но не последовать чужому разумному совету или попытаться изменить свою жизнь. И раньше он всегда в таких случаях отступал, доподлинно зная, как бесполезно тратить время и душевные силы на тех, кто не желает помочь самому себе.

Но не в этот раз. Теперь он был не просто искусником, взявшим на себя обязательство перед двумя братьями, одного из которых уже не было в мире живых, а судьба второго оставалась пока темной, как дождливая ночь.

Все изменилось в тот миг, когда он принял Ленса в ученики. Отныне он в ответе за мальчишку, и больше не имеет никакого значения, желает тот этого или нет. И точно так же не имеют никого значения мнения и права всех его родичей и друзей. Пока Инквар не поймет, что ему больше нечему научить своего первого ученика, он будет делать для его безопасности все, что сочтет нужным сам.

– Спасибо, – выдохнул Ленс, выбрался из-за стола и торопливо направился к наружной двери.

– Кстати, ты помянул Юбельда, – дождавшись, пока за мальчишкой закроется дверь, повернулся к телохранителю Инквар. – А ведь я о нем совсем забыл. Как он пережил ту ночь?

– Такие истории нельзя рассказывать за столом, – едко усмехнулся Дайг. – От злости хочется сгрызть все, что видишь. Но началось все еще днем, когда мы поднимали людей после паралича. Не знаю, кто из парней Кержана капал бодрящее зелье этой скотине и его спутникам, но поступил он очень разумно, выдав им только половину нормы. Поэтому все они спали, пока мы добирались до пустошей и устраивались на ночлег. А вот рев твоего голема... извини, тогда мы все считали этот морок големом, разбудил баронского родственничка. Сначала он перепугался и от страха ринулся бежать, но ты же помнишь ту низинку? Кустики чахлые, деревья редкие, речушка мелкая. Только заросли крапивы и осоки по ее берегам густые, но умный человек там прятаться не станет.

– Теперь умным Юбельда не считает никто из того обоза, – желчно ухмыльнулся Гарвель. – Пока Дайг укладывал тебя, а мы с Кержаном освобождали от цепей и таскали в

телеги свалившихся от слабости лицедеев, возчики срочно запрягали коней и выводили обоз на дорогу. Все ведь понимали, что голем отпугнет бандитов ненадолго. Обычно големы убивают несколько жертв и теряют силу. Вот тогда выжившие бандиты вполне могли бы вернуться, чтобы отомстить.

– Не маловато ли их было – мстить?

– Да, почти половину банды они потеряли. Но атаманом у них Исмер, редкий гад даже среди остальных ночников. Жаден, лжив, недоверчив и очень жесток. Но жадность все же впереди всего. Ради золота берется за самые грязные дела и никогда не жалеет своих людей. – Дайг скрипнул зубами и тихо добавил: – Жаль, мы не стали сразу поить зельем бандитов, взятых в плен днем, так и везли бесчувственных. Если бы я знал раньше, кто на нас напал, не сидел бы с вами у телег.

– Хорошо, что не знал, – строго глянул на друга Инквар. – Искусник у них сильный. Не смотри так недоверчиво, у меня свои способы получать сведения. И как друзьям могу вам намекнуть – добровольно в этот отряд он вовсе не рвался. Но больше ни слова, и так много лишнего болтаю. Ты лучше доскажи про Юбельда, только покороче, ехать пора.

– Боюсь, покороче не получится, – снова со смешком вмешался Гарвель. – Это нужно было видеть. Когда Кержан догадался, почему ты потерял сознание, то сразу выдал приказ не шуметь, и все поняли. Возчики суетились молчком, бегали чуть ли не на цыпочках, если какое колесо скрипнет – кучей кидались мазать. И вдруг где-то рядом истошный вопль: «Спасите!» И еще, и еще, не переставая. Дайг меч схватил и туда. Убью, шипит, своими руками удуш. Но пока мы добежали, там уже был брат Юбельда с советником, при них убить не получилось бы. Да и расхотелось. Зрелище было – смеяться нельзя и не смеяться невозможно. Между кустов осоки крохотный илистый бочажок, по пояс, не глубже, а в нем ворочается вымазанная по макушку черным илом туша и воет не умолкая.

– А когда дружки достали Юбельда и немного отмыли, он начал громко ругаться, – презрительно ухмыльнулся Дайг, – и угрожать. Всем подряд. И Кержану, и путешественникам, и даже гильдии наемников. Пришлось предупредить его спутников – если сами крикуна не успокоят, то я могу, быстро и надолго.

– Кстати, – вставая из-за стола, коротко глянул на Инквара Гарвель. – Я наконец вспомнил, где раньше видел этого Ферда. Вовсе он не советник этих Шмиле, мелковат чин для такой птицы. Он один из доверенных людей Корди, пройдошливый и осторожный, как лис. Был шпионом, дознавателем, а потом третьим помощником у командира тайной стражи барона. Никогда не поверю, что Густав так просто отпустил бы своего человека, слишком много они знают. Да они и сами менять хозяина не станут, платит им барон не скупясь.

– Значит, у него тайное задание, – кивнул своим спутникам Инквар, даже не сомневаясь – друзья пришли к тому же выводу, потому и рассказывают про этот случай с такими подробностями.

Интересно другое: почему они ничего не сообщили ему в первый же день?

– Дайг! Тсс!

– А? – оглянулся тот, едва его плеча коснулась рука Инквара, и согласно кивнул, рассмотрев красноречивый взгляд, показывающий на дальние кусты.

Они шли туда неслышно, изредка опасливо оглядываясь на костер, разгорающийся на сухом пригорке между соснами. И едва их скрыли от взоров спутников густые ветви дикого крыжовника, телохранитель остановился и требовательно уставился на искусника:

– Ну?

– Вот зелье спокойствия для тебя и Гарвеля. Оно помогает сохранить невозмутимым лицо, но не влияет ни на реакцию, ни на способность мыслить. Проглоти сейчас, ювелиру дашь позже. Пейте по капле один раз в день, в одно и то же время. Можно с чаем, но не с вином. Ленс не может ощущать моих чувств, когда я им пользуюсь, проверено.

– Ты ему не доверяешь?

– Доверяю. Но зря волновать не хочу, он и так разрывается между нами и сестрой. Ты же понимаешь, что действовать так, как хочет Лил, нельзя? Однако спорить я не стану, просто вечером, как только они лягут спать, отправлюсь дальше. Мне хватит несколько часов, чтобы добраться до Траага, а с утра я постараюсь разведать обстановку, и если у вас есть связи или советы, приму с благодарностью. А вы езжайте не спеша и не рискуйте. Если получится, постарайтесь примкнуть к обозу.

– А как ты в одиночку проберешься?

– Напою коня зельем, иначе не получится. А на постоялом дворе в Вышце поменяю. До вечера еще достаточно времени, выбери момент незаметно предупредить Гара. Идем, долго гулять подозрительно.

– Погоди. – Дайг прищурился и вдруг, резко выхватив тяжелый охотничий нож, швырнул его в кусты.

И тотчас метнулся туда и сам. Инквар поспешил следом на треск ветвей и непонятное сопение, сообразив, что друг принял его план и уже начал придумывать способы, как скрыть от подопечных подготовку к действиям.

– Помоги.

Осенний кабанчик, валявшийся посреди изрытой полянки, был довольно тощим и поджарым, но вполне пригодным для жаркого. А еще больше – для прикрытия тайного разговора, поэтому Инквар, не споря, взялся за привязанную к задним ножкам веревку и помог другу дотащить добычу до костра.

– На минутку нельзя никуда отпускать одних, обязательно кого-нибудь притащат, то оборотня, то кабана, – притворно бурчал Гарвель, разглядывая добычу. – Ну, кто будет помогать разделявать?

– Дайга возьми, – мгновенно решил Инквар. – Это была его идея. Я просто хотел посмотреть, кто там бродит, ветки без ветра шевелились. И отойдите подальше, не портите аппетит.

– Учитель, – в глазах Ленса горело восхищение, – ты всегда смотришь на все кусты?

– Нет, не всегда, – подбрасывая в костер сучьев, вздохнул Инквар. – Но обычно стараюсь почаще внимательно оглядывать все вокруг, особенно в незнакомом месте. Иной раз что-то замечаю, порой – не успеваю. Бывает, резко падаю ничком, не успев осознать рассудком, что

именно насторожило мою интуицию. Вот ей я верю и поэтому иногда поступаю абсолютно не так, как собирался еще пять минут назад. И только потом осознаю, насколько был прав. Но это полностью заслуга моего учителя, а не разума или способностей. Кстати, вот Дайг учился у других учителей, а пришел почти к тому же результату. Сегодня я заметил лишь шевелящиеся ветви, а он первый понял, кто копается под кустами. И за это получит отличное жаркое, как только мы доберемся до какой-нибудь деревушки.

Ужинали они в этот день раньше обычного, за окнами еще отгорали на сгущающихся облаках не по-южному яркие багрово-алые сполохи заката.

А едва встав из-за стола, все отправились спать. Инквару даже пришлось капнуть себе немного зелья, чтобы сразу уснуть. Несколькими часами отдыха, подаренного им самому себе по настоянию Гарвеля, пренебрегать не стоило.

— План неплох, — одобрил ювелир замысел искусника, нарочно приотстав от остальных на подъезде к месту ночевки — небольшому полузаброшенному домику, которым летом пользовались скотоводы, а зимой охотники. — Но не стоит мчаться в Трааг сразу после ужина. В городе на рассвете делать нечего. Лучше ложись и поспи, да и конь немного отдохнет, а после полуночи я сам тебя разбужу. За это время успею написать записки людям, которые в дороге сменят тебе лошадей и помогут в Трааге. Хотя там таких всего двое, но каждый стоит пятерых. Первый, Марнек, хозяин ювелирного магазинчика, живет в городе много лет и знает всех женщин и мужчин, имеющих возможность покупать украшения и дорогие вещицы. Ко второму пойдешь, если не хватит сведений, которыми поделится торговец. Это командир городской стражи, и хотя он работает на градоначальника, но уже несколько лет как вступил в гильдию наемников. Это секретная информация, и разговаривать можно только наедине, хотя кого я учу? Выучи этот простой жест, это первый знак. Потом назовешь мое имя. Да не забудь сказать, что я еду следом, иначе приставит сыщика. И последнее. Нам с Дайгом будет спокойнее, если разрешишь сказать, будто ты намереваешься вступить в гильдию, после того как исполнишь свое обязательство. Не мрачней, я и сам прекрасно знаю, куда ты потом пойдешь. Но на самый крайний случай, только мы будем знать правду. Ведь от любого намерения всегда можно отказаться? А если тебе неприятно думать, что тебя станут считать лгуном или ветреником, то мы все возьмем на себя.

— Спасибо, Гарвель, — подумав, кивнул другу Инквар. — Я, пожалуй, действительно немного посплю, а ты не забудь добавить хоть примерную карту города, я туда не собирался и потому имею весьма слабое представление. Хотел купить по пути, но сам знаешь, в больших поселках мы не останавливаемся. А про гильдию... Ну если ради вашего спокойствия и только в самом крайнем случае. И разумеется, я никогда не откажусь от этих слов.

Проснулся он резко, как всегда пробуждался от чужого прикосновения, и всего за пару мгновений вспомнил, зачем и почему должен вылезать из теплой постели в самую глухую, послеполуночную пору.

— Пойду коня оседлаю, — шепнул Дайг, почему-то будивший Инквара вместо Гарвеля. — Завтрак на столе.

— Спасибо, — проворно выскользнув из-под одеяла, отозвался искусник и принялся собираться стремительно, как по сигналу тревоги.

Большую часть вещей, которыми успел незаметно обрести за время путешествия, он

оставлял друзьям и делал это сразу по нескольким причинам, главной из которых был Ленс. Не хотелось, чтобы у ученика возникли какие-то подозрения.

Оставил Дайгу и часть зелий, остальное вместе с документами, амулетами и золотом распихал по карманчикам жилета. Хотя и не было теперь при нем ни горбуни, ни «сына», всегда можно сказать, что они приедут позже и при этом не солгать ни на гран.

– Мальчишке скажите, что у меня сработала интуиция... или сон вещий приснился, – предупредил он напарника, садясь в седло. – И не забудьте выпить то зелье. Ну все, встретимся вечером.

– Зеркалом тебе дорога, – вздохнул вслед другу Дайг и отправился досыпать.

Город, раскинувшийся на склоне пологого холма в излучине реки, показался вдали, едва ночная мгла на востоке начала таять, готовясь уступить место рассвету.

Прикинув расстояние, Инквар немного придержал рвавшегося вперед коня, получившего с заветной горбушкой зелье силы. Это было уже второе животное, первый жеребец остался во дворе поместья, поразившего искусника своими размерами и основательностью строений.

– Выпей чайку, пока мы тебе лошадь переседлаем, – предложила женщина с явными признаками степняцкой крови. – Не знаю, зачем ты так спешишь, но если держишь путь в Трааг, то времени хватит.

Спорить Инквар не стал и, пока пил чай с тонкими лепешками, щедро намазанными маслом и соленым мягким сыром, размышлял о том, как много людей самых разных сословий примкнуло к гильдии, которую они никак не могли бы назвать своей. И пусть они пока открыто этого не показывают и никому постороннему ничего не рассказывают, но выбор уже сделали, и это много значит для тех, кто привык не просто плыть по течению жизни, а действовать, причем продуманно.

Как выяснилось на подъезде к Траагу, его градоначальник не стал по примеру некоторых северных соседей возводить вокруг своих владений высоких стен, а поставил на окраинах высокие дозорные деревянные вышки, щедро крытые соломой. Заметив нападение, дозорным следовало просто поджечь над собой кровлю и бежать в казарму к своим товарищам.

Издали эти потемневшие за зиму, округлые стожки казались на фоне молодой зелени и пышно цветущих садов грязными вороньими гнездами, и слабо верилось, что они действительно могут как-то защитить беспечных горожан.

Однако стоило Инквару въехать на выложенную песчаником улочку, как из бокового переулка вывернулись трое верховых, и у искусника не осталось никаких сомнений в их статусе. Одинаковые зеленые костюмы из штанов и рубах плотного полотна были украшены на левом плече символом охраны Траага, беркутом, распростершим крылья над изящными куполами. Теми самими, которые вздымались к небу на вершине холма, четко вырезанные в порозовевший край неба.

– Кто такой, с какой целью?

– Вы у всех это спрашиваете? – устало улыбнулся Инквар и небрежно отер ладонью запыленное лицо.

Бушевавшие северо-западнее грозы пока еще сюда не дошли.

– У тех, кто кажется подозрительным, – отрезал старший из стражников, не изъявив никакого желания принять шутку.

– Значит, я подозрителен, – спокойно согласился искусник. – Тогда объясняю: я судья Эринк Варден, приехал сюда по личному делу. И специально выехал пораньше с постоянного двора в Рагове, мне нужно успеть до вечера переделать множество дел. Самое важное из них – получить наследство. Дядюшка оставил мне дом, и хотелось бы сегодня ночевать под своей крышей.

– Кто был ваш дядя?

– Резчик. Когда-то он имел свою мастерскую, а в последнее время больше болел, чем работал. Астено Варден, старший брат моего отца.

– Это старый скряга с Тополиной улицы, – подсказал командиру дозора один из воинов. – Он умер еще зимой.

– Да, – печально подтвердил Инквар. – Но мне не удалось приехать сразу, путь сюда из Сагрена неблизок. Так я могу ехать дальше?

– К кому вы собираетесь поехать вначале? – еще раздумывал стражник, но почтительности в его голосе заметно прибавилось.

– В гостиницу. На постоялом дворе мне посоветовали «Три вишни». Там оставлю коня и позавтракаю, потом к нотариусу дяди. – Инквар нарочно пояснял все это с бесхитростными подробностями, так как знал, ничто так не успокаивает людскую подозрительность, как наивное стремление рассказать про себя всю подноготную.

– Тут недалеко, по левой стороне через несколько домов, – бросил успокоенный воин, и стражи вернулись туда, откуда выехали.

Инквар кивнул им вслед, так же устало отер о штаны ладонь и поехал дальше, извительно усмехаясь про себя. Вовсе не были бы эти охранники так спокойны, если бы догадались, что стирал он с лица вовсе не пыль. Зелье силы, нанесенное в определенном месте, можно было в случае непредвиденного прокола мгновенно использовать, не доставая флаконов и не вызывая ничьей настороженности. Достаточно сначала провести рукой по лбу, а в нужный момент незаметно лизнуть ладонь.

Первую часть своего плана он выполнил легко и быстро. Показав нотариусу документы, заплатил положенный налог и вознаграждение и получил пакет с документами, ключи и шустрого парнишку в проводники. Вместе они добрались на извозчике до места, которое отныне должно было стать искуснику домом, и Инквар не стал жадничать, заплатил кучеру и за обратный путь своего провожатого.

Оставшись один, он поспешил войти во двор и прикрыть калитку, не желая долго мозолить глаза начинавшим просыпаться жителям Тополиной улицы. Иначе они уже сегодня начнут упорно изучать нового жильца с непоколебимой убежденностью людей, имеющих полное право знать, кого судьба подсунула им в соседи. И даже диктовать ему свои правила и порядки.

Двор и дом оказались не просто заброшенными, но и захламленными, и только садику, обнимающему небольшое двухэтажное строение с двух сторон, эта запущенность шла. Инквар несколько минут постоял под цветущими яблонями, с наслаждением вдыхая любимый с детства горьковатый аромат, и направился к дому. Он хотел лишь слегка осмотреться и умыться, а решать, куда направиться дальше, собирался после встречи с ювелиром.

Нежданный стук в калитку резко ударил по нервам, заставил напрячься и пожалеть о капле так понапрасну истраченного зелья. Однако голос искусника был вежлив и устал, когда

он отозвался на этот стук:

– Кто там?

– Соседка, Матина. – Робко произнесенные женским голосом слова позволили выдохнуть, но не расслабиться. – Я хотела спросить, вам убрать не нужно?

– Добрый день, – открывая калитку, мягко поздоровался Инквар и огорченно улыбнулся: немолодая женщина была именно того типа, кому он подсознательно доверял. Полноватая и аккуратная, с открытым взглядом бесхитростных глаз, такие крайне редко бывают стервами и лгунями. – Наверное, будет нужно, но не сейчас. Загляните через пару дней или скажите, где вы живете, я позову, когда начну устраиваться.

– Извините, – попятилась она и вдруг тихо сказала: – А вы на него не похожи.

– Дядя Астено мне родственник по отцу, а я похож на мать, – пожал плечами Инквар, уже точно зная: никогда он не пустит в дом эту, бесспорно, добрую, но слишком внимательную женщину. – Вот, возьмите задаток, чтобы не сомневаться, и простите – спешу.

Он и в самом деле вышел со двора через несколько минут и направился вниз по улице, старательно не замечая любопытных взглядов стоящих у колодца женщин. Искусник знал только один способ со временем избавиться от их назойливого внимания – ходить с отстраненным видом и никого не подпускать слишком близко к своим владениям.

В магазинчик ювелира Марнека Инквар вошел не сразу, сначала прогулялся с видом бездельника по всем соседним лавкам, купил себе пару рубаш и такие же штаны, в каких щеголяло большинство местных мужчин, и тут же, за ширмой, переделся в обновки. Самый простой и надежный способ бесследно раствориться в любой толпе – это выглядеть как все.

Дверь открылась с легким скрипом, свидетельствующим вовсе не о небрежности хозяина, а скорее о его бдительности. Да и каждое движение поджарого, еще не старого мужчины, сидевшего за прилавком, его быстрый оценивающий взгляд, мгновенно поджавшиеся губы и рука, словно невзначай нырнувшая под стол, где, несомненно, прятался амулет или одно из применяемых для обороны зелий, подтверждали первоначальный вывод Инквара. Поэтому тянуть он не стал.

В ответ обвел небольшое помещение таким же бдительным взглядом и достал из кармана выданный Гарвелем предмет:

– Я от Ларонсо.

– Давай!

Инквар беспрекословно положил обтянутый кожей футляр перед ювелиром и отступил на шаг, демонстративно скрестив руки на груди. В таких делах лучше не шутить и не упорствовать, наученные жизнью ювелиры, банкиры и ростовщики предпочитают сначала раздавить пилюлю с одурманивающим или усыпляющим зельем, а потом разбираться. И никто не гарантирует шутнику непременно пробуждения.

– Действительно, – еще недоверчиво скривился Марнек, рассматривая Инквара так же бдительно, как изучал погнутую и поцарапанную брошь, потерявшую где-то половину камней. – А где он сам?

– Едет сегодня, я его немного опередил. – Говорить приходилось почти правду, во всех таких лавках имелись амулеты, распознающие ложь. – У меня здесь дела, и мне нужна помощь, Гарвель порекомендовал вас. Видите ли, я собираюсь здесь жить, вернее, с сегодняшнего дня уже живу. И собираюсь обзавестись семьей. Но поскольку я вдовец, а особого состояния не накопил, то и жену собираюсь искать себе под стать. Симпатичную вдовушку, не бедную и не очень богатую, не старуху, но и не зеленую молодницу. Возможно, у вас есть такие на примете. Разумеется, все подарки и украшения невеста получит из вашего магазина, это я могу себе позволить.

– Если бы не рекомендация Ларонсо, – медленно произнес Марнек, – я бы никогда не взялся. Вы сейчас сказали только половину правды, но именно эта половина для меня важнее остального. Итак, кто из жительниц нашего города вас интересует? И не вздумайте сейчас ошибиться, это ваш единственный шанс.

– Вдова Тарена Базерса, – коротко ответил Инквар, ломая голову, как поступить.

Брызнуть в лицо ювелиру зельем забвения и уйти или все-таки довести разговор до конца? Но забыть его Марнеку придется в любом случае, если только не произойдет чуда.

– Вот как, – помрачнел ювелир, некоторое время колебался, оценивающе рассматривая Инквара, потом решительно поднялся с места. – Идите за мной, поговорим в моем кабинете. Колас!

На зов явился молодой мужчина, смерил незнакомца взглядом и вопросительно уставился на хозяина.

– Последи тут, мне нужно написать заключение, – приказал ему Марнек и кивнул Инку на дверь. – Прошу.

Искусник стиснул в кулаке незаметно вынутую из кармана пиллюлю и с вежливой улыбкой шагнул вперед.

До кабинета они дошли, не говоря ни слова, и, оказавшись в небольшой комнатке, занятой длинными шкафами, внушительным столом и двумя креслами, тоже не сразу нарушили молчание. Некоторое время ювелир стоял у окна спиной к гостю, словно забыв о его существовании, и Инквар успел обдумать несколько вариантов действий.

– Как он погиб? – наконец обернулся Марнек, и одного взгляда на его лицо хватило, чтобы понять, как тяжело ювелир пережил неожиданное известие.

И это оказалось тем самым чудом, на которое так недавно не мог и надеяться Инквар.

– Пока никто не знает, но он пообещал другу вернуться к середине зимы... и пропал. Не было ни одной весточки, а дороги в тех местах очень опасны.

Искусник смолк, ожидая следующего вопроса и совершенно точно зная – именно он станет решающим. Сказанного им многовато для тех, кого интересует только молодая вдова, и крайне мало для тех, кого волнует судьба Тарена.

Ювелир снова долго испытующе смотрел ему в лицо, никак не решаясь спросить незнакомца о самом важном. Потом с нарочитой небрежностью поднял руку, чтобы пригладить начинающие сесть волосы. И никто, кроме мастера-искусника, не заметил бы переплетенных пальцев и не узнал один из знаков, по каким можно опознать надежных людей.

– Уф, – выдохнул Инквар откровенно, провел двумя пальцами по подбородку в ответном условном жесте и сунул в карман пиллюлю.

Разумеется, он пока не был готов полностью доверять человеку, которому когда-то показал эти знаки Тарен, ведь предал же отца Ленса кто-то из местных жителей. Но и отказываться от редкого шанса встретиться с одним из посвященных тоже не мог.

– Так... – задумчиво пробормотал ювелир. – И зачем в таком случае тебе нужна Лавиния Базерс?

– Сама она мне пока ни к чему. Нас интересует, как и с кем она живет, и вообще, в городе еще или нет?

– Я отвечу, но сначала один вопрос. Кто тебя нанял?

– Я сам взялся за это дело, но у меня тоже вопрос: на чем я попался?

– На лжи. Амулет мне делал Тарен, и если ты с ним знаком, то должен знать особенности его работ.

– Я никогда его не встречал. И его друга – тоже. Случайно оказался рядом, когда он погиб... – Инквар на миг смолк, припоминая то недоброе утро, запах пожарищ, злые глаза селян. И вдруг понял, какие особые качества могут быть у вещиц, сделанных Тареном, если он привлекал себе в помощь Ленса. – Но судя по всему, эти амулеты очень ценятся за возможность распознавать чужие эмоции. Ну а теперь расскажи про Лавинию.

– Говорить особо нечего. В тот день, когда не вернулась с прогулки ее семья... Ты знаешь, что вместе с Тареном было двое детей? Дочь и сын? Они живы?

– Да, – сухо кивнул Инквар – обмануть амулет все равно не удастся, а рассказывать про знакомство с рыжиками, превратившимися в смуглых степняков, пока нельзя – и нехотя добавил: – Но это секрет.

– Понятно. Так вот, искали их все кому не лень, правитель Траага объявил щедрую

награду. А потом пожаловал один из родственников Корди и тоже назначил цену... в три раза больше. Тогда мы и узнали, чья она племянница. Но Лавиния в замок к дядюшке не поехала и в городе не осталась. Заперла дом на замок, отпустила слуг и перебралась в маленькое поместье Тарена, доставшееся ему от родителей. У него из всех родичей осталась лишь дальняя тетка с мужем, они там жили потихоньку, присматривали за домом.

– На что она живет?

– У Тарена были деньги, и дядя ей регулярно присылает.

– Гостей принимает? Подруг, соседей? – Информация, которой делился ювелир, несомненно, была важна, но уж очень скудна.

– Никого. Пробовали некоторые подкатить или получить письмо к дяде с рекомендациями – бесполезно. Тетка в дом гостей пускает и чаем поит, а хозяйка все время занята или больна.

Инквар расслышал в голосе Марнека странную гордость за совершенно чужую ему женщину и спрятал невеселый вздох. Очень не хотелось стать тем человеком, который принесет вдове искусника печальные вести.

– Послушай, – вдруг предложил ювелир, – я могу написать ей записку, мне она верит. Может, и согласится с тобой поговорить.

– Это неплохо бы, но сейчас меня волнует другое. Неужели люди Корди не присматривают за ее домом? Наверняка ведь ждут возвращения Тарена. – Договаривать Инквар не стал, и так все ясно.

Разумеется, сыщиков он обведет вокруг пальца, но Лавинии потом не уйти от баронского гнева. Как утверждает молва, Корди не считается ни с родством, ни с заслугами, если задеты его интересы.

– Ну конечно следят, – невозмутимо кивнул Марнек и вдруг довольно улыбнулся: – Но записку я и не собирался отдавать тебе. Послал бы с разносчиком хлебопека. А где встретиться, она и сама придумает, по городу сыщики за ней ходить не станут.

– А ты их знаешь?

– Да кто же их не знает, – насмешливо фыркнул хозяин. – Город у нас хоть и немаленький, да ведь и не огромный, как Азгор, и все давние жители отлично знакомы и знают всех значимых или необычных людей. Едва Лавиния поселилась за городом, неподалеку от ее усадьбы чужие люди купили полуразрушенный дом. Я сам на то поместье поглядывал, да цену наследник заломил несоразмерную. А эти не торговались и сразу там обосновались. Большая семья, родители, сыновья с женами, племянники. Но дом почему-то приводить в порядок не стали, а первым делом построили большую голубятню. И теперь все по очереди в ней сидят.

– Голуби – дело доходное, – тонко усмехнулся искусник, с каждым мигом все более проникаясь к ювелиру доверием.

Похоже, не обманулся Гарвель, этот человек и в самом деле не из тех, которые бегут доносить ловцам или ночникам.

– Доходное, – еще более развеселился ювелир. – В нашем городе две большие голубятни и с пяток мелких. И почтовых голубей учат, и разномастных красавцев выращивают, и особых, мясных, харчевням продают. Очень вкусно, когда замаринованными зажарят на вертеле.

– А эти соседи Лавинии, значит, не продают?

– Продают, но очень редко молодняк хозяевам больших голубятен. Но цену просят

пустячную, ради того те и берут.

– И конечно, все в округе уже сделали свои выводы, – задумчиво кивнул гость, прикидывая, как добраться до матери подопечных, минуя толпу соглядатаев.

Жаль, времени маловато, некогда придумывать особо надежный и сложный план. Инквар должен поговорить с Лавинией еще до вечера. Узнав о его отъезде, Лил с Ленсом непременно сделают собственные выводы и вряд ли ошибутся. И если Ленс еще мог бы спокойно отнестись к этой проделке учителя, то рыжая обязательно разозлится. Да какое там, она будет просто в ярости, когда сообразит, что Инквар и не думал поступать так, как придумала она.

И бесполезно объяснять упрямице, что по ночам он все чаще видит во снах, как бежит по ущельям и карабкается по кручам, удирая от невидимой, но неумолимой погони, а днем, проезжая через села, спиной чувствует посланные вдогонку чужие испытующие взгляды.

– Ну а как иначе, жизнь такая. Кто больше знает и понимает, тот заранее может сделать верный выбор. – Ювелир достал кувшин и налил в две кружки ароматного кваса. – Выпей с дороги.

– Не совсем согласен. Иногда двое знают одно и то же, а выводы делают противоположные, – принимая кружку, невесело усмехнулся Инквар и пристально глянул на хозяина. – А записку пиши сейчас и не запечатывай, я сам понесу. Некогда мне ждать, пока она что-то придумает. А пока пишешь, дай мне пару камней или украшений, чтобы не сидеть без дела.

Глаза Марнека на несколько мгновений стали изумленно-недоверчивыми, как у мальчишки, обнаружившего под маской балаганного клоуна собственного отца или брата, но он очень быстро спохватился. Сначала заторопился, ринулся к дверце шкафа, но, не дойдя шага, оглянулся с сомнением:

– А ты не ослабнешь? Тогда лучше не нужно. Стеляют те новички здорово. Один знакомый рассказал – коршун за их вылетом погнался, так парнишка одной стрелой его снял. Представь, это в стае-то голубей!

– Ловцы, – сразу определил Инквар и признательно глянул на Марнека. – Вот за это сообщение особое спасибо, но не волнуйся за меня. Несколько дней в пути, немного работы мне сейчас не повредит. Давай все, что хотел бы сделать, и придумай, как бы мне поглядеть на того пекаря хоть пару минут. Да и корзина с булочками не помешала бы. И еще. Не нужно ничего говорить своему приказчику, чем меньше знает, тем лучше будет спать.

– Само собой. Это мой сын, и в такие дела я его пока посвящать не собираюсь. Молод еще. – Марнек достал из потайного ящичка шкатулку и разложил перед Инкваром разнообразные украшения. – Выбирай.

Через пару часов из Траага в сторону небольших хуторов и поместий, разбросанных по склонам пологих холмов, окружавших долинку, где раскинулся город, по полустаршей травой дорожке вразвалку шагал парнишка. Он был одет в простую, сильно потертую одежду, щедро присыпанную на плечах и спине мукой. На голове у него красовалась соломенная шляпа, за спиной висел плетенный из ивовых прутьев короб разносчика.

– Привет, Браш! – изредка окликал кто-то из встречных, но на улицах предместий было весьма пустынно в эту пору, когда все порядочные люди сидят за обеденными столами перед мисками с чем бог послал или с тем, на что совести хватило.

Однако парень отвечать не торопился и поболтать не останавливался, лишь делал

неопределенный знак рукой. И все понимали: снова хозяин послал подручного разносить товар в самую жару, и потому настроение у Браша далеко не радужное. Но никто его особо не жалел, сам виноват, продал отцовское наследство, гончарную мастерскую, решив зарабатывать деньги более легким трудом. Вернее, ничего не делая.

Просто купил на вырученную сумму небольшую мелочную лавку и нанял продавца. Несколько месяцев казалось, что дела идут лучше некуда, и Браш привык, приходя за выручкой, брать оттуда на свои расходы столько, сколько ему хотелось. А хотелось все больше, жизнь оказалась просто наполнена искушениями. И однажды незадачливый купец с недоумением и обидой обнаружил, что товар закончился, а денег на покупку нового нет. Некоторое время Браш пытался выбраться и все глубже залезал в долги, пока пекарь, доводившийся ему дальним родичем, не взял парня к себе.

– Эй! Погоди! – окликнули его из-за забора, когда лжеразносчик уже видел зеленую крышу строения, куда он стремился попасть.

– Чего тебе? – недружелюбно буркнул Инквар, отточенным движением фокусника незаметно доставая приготовленную пилюлю.

– Продай булок.

– Не-а. У меня лишних нет, только заказ.

– А почему сегодня? Ты же через пять дней ходишь?

– Когда посылают, тогда и хожу! – не останавливаясь, сердито фыркнул искусник, мысленно говоря спасибо ювелиру.

Он не только придумал вполне сносный план, Инквару оставалось лишь добавить несколько деталей, но и прежде, чем угостить притащившего короб булок Браша квасом с сонным зельем, несколько минут разговаривал с ним, давая гостю возможность перенять интонации парня и его манеру изъясняться.

– Может, выделишь хоть несколько штук? – крикнул вслед настырный шпион.

– Чтобы дядька мне потом несколько тумачков выделил? – едко отозвался парень, продолжая так же размеренно топать по круто забиравшей влево дорожке, которая в случае, если он сфальшивит и не сумеет убедить ловца, вполне может стать его последней тропой.

Но тот больше ничего не спросил, постоял у калитки, глядя разносчику вслед, и неторопливо направился к голубятне, нюхать опостылевший навоз.

Инквар облегченно выдохнул, но лишь через сотню шагов сунул в карман пилюлю и позволил себе отереть со лба пот.

Возле ограды, за которой зеленела крыша довольно вместительного дома, искусник помедлил всего мгновение, собираясь с духом, хотя нервы и без того были напряжены, как перед боем. В наскоро изобретенном плане это был самый непредсказуемый момент: ни ювелир, ни сам Инквар не могли и представить, как поведут себя обитатели поместья, в неурочное время обнаружив у калитки разносчика хлеба, который они не заказывали.

Они вполне могли вообще не пожелать открыть калитку или по каким-то своим признакам разоблачить искусника, и тогда ему пришлось бы искать место, где можно перебраться в усадьбу через забор. А потом со всеми предосторожностями осаждать дом собрата по ремеслу, одновременно пытаясь доказать его жене свое право на беседу.

Кольцо звонка, расположенное рядом с ручкой, он дернул так же уверенно, как это сделал бы сам Браш, хотя и сомневался, что кто-то из живущих здесь постоянно следит за дорогой. Если Тарен собирался сюда когда-либо вернуться, то он наверняка договорился с

женой об условных знаках. Или назначил надежных людей, которые могли принести от него весточку. Поэтому у Лавинии и ее домочадцев нет никакой необходимости целыми днями сидеть у окна.

Инквар и сам, доведись ему оказаться в подобной ситуации, никогда бы не вернулся днем, а выбрал бы самую глухую ночную пору, да еще и постарался бы дожидаться непогоды.

– Кто там? – раздался за калиткой слегка дрожащий женский голос, и принадлежать он мог кому угодно, но искусник, глядя на свой браслет, обнаружил поблизости только один огонек довольно слабенького амулета.

Вряд ли жена Тарена могла довольствоваться такой ненадежной защитой, поэтому оставался второй вариант – бабушка Залея, дальняя тетка искусника.

– Я, Бращ, – чуть хрипловато буркнул Инквар. – Свежих булочек принес. Завтра дядьке некогда будет печь, на свадьбу пригласили.

Заготовленная ложь вызвала за калиткой замешательство, потом обиженно заскрипел несмазанный замок, и дверка распахнулась. За ней в одиночестве стояла низенькая полноватая старушка, и Инквар перевел дух. Вроде пока все идет по наилучшему варианту.

– Так нести на кухню?

– Да неси уж, – растерянно оглянулась она на окна.

Не поднимая головы, искусник торопливо оглядел фасад дома через специально проколотые в полях шляпы дырочки и почти сразу рассмотрел шевельнувшуюся занавеску в окне второго этажа. За пыльным кружевом явно кто-то стоял, и можно было почти с уверенностью угадать, кто именно.

Вот только правила искусников запрещали им опираться в своих выводах на догадки и непроверенные домыслы.

– Дядька записку хозяйке передал, – войдя в кухню и поставив короб на лавку, сообщил мнимый разносчик. – Лично в руки.

Это было второе слабое место их наскоро придуманного плана. Старик, смятенно рассматривающий нежданного посыльного выцветшими глазами, мог бы запротестовать или сначала сходить предупредить хозяйку. Однако он помрачнел, поджал губы и нехотя мотнул головой в сторону просторной прихожей, откуда наверх вела деревянная лестница.

Поднимаясь по скрипучим резным ступеням, Инквар хмуро усмехался: для него не составило никакого труда прочесть предостережения, добавленные к работе строившего дом плотника неизвестным коллегой. Возможно, и Тареном, но скорее всего кем-то другим. Наверняка отец Ленса разрешал здесь жить кому-то из братьев, все искусники стараются выручить коллег, уходящих от преследования ловчих.

– Кто ты? – тихо спросила стоящая спиной к окну худенькая женщина, едва Инквар вошел в гостеприимно распахнутые двери довольно запущенной комнаты.

– Не враг, – так же серьезно ответил искусник, снимая шляпу и попутно незаметно проверяя, есть ли у хозяйки дома защитный амулет.

Разумеется, он был. Да не один, а сразу три. И все далеко не простые, пара горела зеленоватыми огоньками, а один светился алым – злобно, как глаза разъяренного быка. На таком близком расстоянии артефакт Инквара различал даже вид вложенных в камни заклинаний.

– Но у меня вообще нет врагов, – устало произнесла Лавиния, не делая ни одного движения. Помолчала и безразлично добавила: – Так зачем ты пришел?

– Просто поговорить. Иначе не сумею защитить людей, которым взялся помогать. –

Тщательно подобранные слова Инквар собрал в одну фразу заранее, пока шел от города.

А заодно на всякий случай проглотил каплю придающего силы зелья и теперь видел лицо стоящей перед ним женщины так четко, словно оно было освещено яркой масляной лампой. И должен был с сожалением признать – Тарен Базерс не мог в нее не влюбиться. Даже сейчас, усталая и просто причесанная, она была необыкновенно красива. Той редкой красотой, когда первые мгновения не замечаешь ни формы губ, ни цвета глаз, лишь необычайно одухотворенную гармонию черт, покоряющих душу сразу и навсегда.

– Какое мне до них дело? – холодно осведомилась Лавиния, строго глядя в глаза непрошеного гостя. – Я не могу ничего и ни для кого сделать.

– Жаль, – печально вздохнул Инквар. – Я очень надеялся, что их судьба вам безразлична. Им многое пришлось пережить в последние полгода... Можно мне сесть? На пару минуток, потом сразу уйду. Я ехал всю ночь и не один раз обежал город, прежде чем нашел людей, которые согласились мне помочь. Как выяснилось, сюда невозможно попасть незаметно, охранники, живущие в соседней усадьбе, не дремлют.

Он говорил нарочито устало и огорченно, попутно плотно прикрывая дверь и садясь на ближайший стул, и делал это не спеша с единственной целью – чтобы отвлечь Лавинию от размышлений. Она ни в коем случае не должна была сделать верные выводы слишком быстро, иначе могла сорваться в истерику или вообще упасть в обморок. Такие женщины, с тонкими лицами, освещенными огромными, живущими своей жизнью глазами и нервными пальцами, обычно невероятно чувствительны и ранимы.

Глядя на нее, Инквар начинал понимать, почему дети свято верили, что мать их любит и ждет, вот только сам не мог пока решить, правы они или ошибаются. Причем не в том, ждет ли, такая женщина не могла не ждать. Но вот как она собиралась решить их судьбу, сложно было понять так сразу, с первого взгляда. Ведь почему-то же Тарен не взял ее с собой? Хотя это было бы проще всего – объявить о поездке в гости к родичам или друзьям и исчезнуть где-нибудь в глухом уголке страны, благо их сейчас предостаточно.

– А еще я пронес записку от вашего друга, – посидев немного, вздохнул Инквар, однако Лавиния только чуть прищурилась и снова не произнесла ни слова.

Падать в обморок она тоже не стала, да и вообще непонятно было, догадалась ли, о ком он говорит. Или все прекрасно поняла, но не поверила ни слову, продолжая считать его то ли наглым просителем, то ли ловцом, пытающимся разузнать, не имеет ли она сведений о детях. А возможно, и поверила, но и в самом деле не согласна с решением мужа и теперь думает лишь об одном: как бы незаметно подать сигнал тем, с голубятни.

Все это должно было насторожить Инквара, заставить его засомневаться в выводах, сделанных на основании первого впечатления, ведь правила искусников предписывают не доверять никаким впечатлениям, проверять даже кажущиеся неопровержимыми факты и действовать на основании точных, логичных выводов. Однако он еще рассчитывал найти если не путь к ее сердцу, то хотя бы крошечную лазейку, способную растопить недоверие и пробудить те чувства, какими просто обязана обладать женщина с такой внешностью.

– Пара минут прошла, – произнесла вдруг она с той отточенно-сухой вежливостью, которая не дает ни малейшего шанса надеяться на продолжение беседы.

– Извините, – неторопливо поднялся Инквар со стула, небрежно подхватил с пола шляпу и шагнул к двери.

Вслед не донеслось ни слова, ни шороха.

Шаг, второй... тишина.

Инквар вздохнул и взялся за ручку двери. Не торопясь ее дергать, оглянулся, еще раз окинул Лавинию взглядом и откровенно вздохнул:

— Жаль... — И вдруг в памяти всплыла яркая, живая, как будто только минуту назад виденная картинка. Он уцепился за это воспоминание, как утопающий хватается за соломинку, перевел дыхание и грустно сказал: — А они такие... необычные. Я купил им конфет и пряников, порадовать хотел. А они поделили поровну и стали играть в странную игру, кто угадает, какая конфетка спрятана в темном кошелье.

Посмотрел на застывшее меловой маской лицо женщины, резко распахнул дверь и вышел из комнаты, начиная понимать, что зря потратил столько времени, сил и здоровья, стремясь попасть в этот южный город.

И тем не менее по лестнице он спускался не спеша и так же медленно прошел на кухню, взял со скамьи пустой короб, забросил за спину. И спокойным, размеренным шагом побрел прочь, с язвительной злостью ловя себя на глупом, наивном ожидании окрика или хотя бы звона упавшей вазы. Он бы понял этот знак и поверил бы, хотя и не имел на то никакого права.

Но дом вдруг словно утонул в глухой, натужной тишине, и ниоткуда не доносилось ни шелеста, ни шепотка. Тряпичными куклами сидели у стола старики, тесно прижавшись друг к дружке, словно в ожидании чего-то страшного.

Инквару до дрожи в пальцах хотелось со всей силы грохнуть входной дверью, так чтобы все стекла задрожали в этом трусливо примолкшем доме, чтобы посыпалась с потолка древняя пыль и испуганно шарахнулись от крылечка копавшиеся под кустами крыжовника куры. Но он сумел сдержаться, прикрыл створку аккуратно, как это сделал бы настоящий Браш, и устало потопал к калитке, ощущая спиной остроту чужого взгляда, но не желая верить своему чутью.

«Поздно смотреть», — кривила губы Инквара горькая усмешка, теперь он сделает все, вплоть до применения самых запретных зелий, лишь бы не допустить в этот дом своего ученика и его упрямую сестрицу.

Калитка против его воли хлопнула чуть громче, чем полагалось, но вряд ли это кто-нибудь услышал, крыша ближайшего дома виднелась в трехстах шагах отсюда, не менее. Да и дом с голубятней был не ближе, и, вспомнив про него, искусник невольно повернул голову в ту сторону. И так же непроизвольно вздрогнул: из-за деревьев не было видно самого дома соглядатаев, зато верхняя часть голубятни ехидно смотрела на него темными оконцами.

«Светлые боги!» – простонал про себя Инквар, продолжая неспешно шагать по тропе. Ну как же они живут под постоянным присмотром? Как можно гулять по саду, ходить в соседнюю рощицу и на берег речушки, срывать ромашки или лютики, зная, что за тобой неусыпно следят недружелюбные глаза?

И каким глупцом оказался он сам, не проверив этого сразу! Хотя у него была в тот момент веская причина не оглядываться. Все соглядатаи упорно считают суетливое поведение признаком вины, даже не задумываясь, разве под силу честному человеку беспечно улыбаться, когда на него подозрительно уставятся недобрые незнакомцы? Ну если только он не наглотался настойки из мухоморов или чего похуже.

Вот и приходится изображать эдакого лопоухого простодыру, не понимающего, с какой опасной силой он столкнулся.

Но мастер-искусник не имеет никакого права допускать ошибок, простительных другим, а Инквар едва не подставил всех, собираясь задержаться в доме дольше, чем положено настоящему разносчику хлеба. Даже если ему предложили передохнуть пару минут и выпить холодного кваса.

Тогда, возможно, и не так уж не права была хозяйка дома, не пожелав с ним сейчас разговаривать? А позже найдет способ передать записку? Хотя... как она его найдет? Ведь о существовании смуглокожего судьи Эринка Вардена он не успел ей сказать? И записку ювелира не отдал... а как было отдавать, если Лавиния не проявила никакого интереса ни к ней, ни к детям?

– Браш! – раздался позади мужской голос, и Инквар, занятый своими мыслями, сделал еще пару шагов, прежде чем сообразил, что именно он носит сейчас это простое имя.

– Браш!

– Ну? – обернувшись, недовольно отозвался разносчик. – Чего?

– Вернись. Госпожа решила передать с тобой записку зеленщику.

«А меня не прибьют за эту записку?» – ехидно усмехнулся про себя Инквар, с видимой неохотой поворачивая назад. Ему с каждым мигом становилось все яснее, как непросты отношения жены Тарена и ее соглядатаев и сколь многое они успели за эти полгода узнать о привычках друг друга. И как непродуманно опрометчив был его спешно состряпанный план, достойный скорее дерзкого авантюриста, но никак не искусника.

Лавиния стояла в прихожей у лестницы, и старик, торопливо прошаркавший мимо хозяйки на кухню, поспешил плотно закрыть за собой двери.

– Записку.

– Вот, – достав из-за пояса свернутый в тугой квадратик лист, протянул руку Инквар, и его кожи на миг коснулась холодная как лед рука.

Лавиния метнулась к висящей на стене лампе, нетерпеливо зашелестела бумагой и замерла, прижав пальцы к губам.

Искусник подавил вздох и отвел взгляд, не желая смущать ее неуместным вниманием. Он отлично знал, что там написано, сам помогал подобрать наиболее точные слова и избежать при этом упоминаний имен и прочих, пока секретных сведений.

— Где они? — требовательно уставилась на него Лавиния, едва пробежав записку взглядом.

— Едут в город, — тихо ответил Инквар. — К вечеру будут.

— О боги... — охнула она и прикусила губу. — И где остановятся?

— Лил собирается отправиться прямо сюда, — не сомневаясь ни мгновения, выдал искусник рыжую. — Поэтому я и приехал раньше.

— Нельзя ей сюда! — отчаянно замотала головой Лавиния, даже не подозревая, что в этот момент решила самый главный вопрос стоящего перед ней осыпанного мукой парня в соломенной шляпе.

— Но она упряма. И считает, что справится с любым, кто нападет. — Инквару очень не хотелось произносить этих слов, но промолчать он не мог.

Мать имеет право знать правду о своих детях, и это ее право свято. Как и право до совершеннолетия принимать за них все важные решения, женская и материнская интуиции обычно редко ошибаются.

Отец тоже был вправе решать судьбу детей наравне с ней, но его пока нет, а выбранная им тропа привела их в рабство. Теперь, зная способности Лил, Инквар мог поверить, что девчонке удалось бы в тот раз увести Ленса из логова бандитов, но он даже не сомневался, как недалеко они бы ушли.

— А ты так не считаешь? — настороженно блеснули серо-зеленые глаза.

— Я видел ее возможности, — сухо буркнул Инквар и нехотя добавил: — И потом три дня поил зельями.

— А где... — Лавиния осеклась и смолкла, меряя незнакомца задумчивым взглядом, потом сказала вовсе не то, что собиралась вначале: — Я дам денег, сними в «Хромой лошади» комнаты, ночью постараюсь прийти.

— Денег не надо, — решительно отказался Инквар. — И дом у меня есть, в довольно тихом районе, оставил в наследство Астено Варден. Могу показать на карте, где это. И если нужно, могу прийти, как стемнеет, и провести.

— Как удачно все сложилось, — сверкнула женщина недоверчивым взглядом.

— Ничего не сложилось, — твердо отрезал Инквар. — Просто рядом оказался человек, который хотел помочь детям... в память о кузнеце. И он нашел других людей, но это долгая история.

Лавиния снова помолчала, потом сунула ему скрученный трубочкой листок:

— Тебе пора. Если шпионы потребуют записку, покажи, не упорствуй. Иначе все равно отберут, всегда читают.

— Сколько их там?

— Шестнадцать человек, — горьковато усмехнулась хозяйка. — Целый отряд. И в городе кто-то есть, раз в три дня курьер привозит продукты и сведения. А приходить не нужно, я знаю, где дом Вардена.

— Вот как, — пряча записку, пробормотал Инквар. — А рассыльного не обыскивают?

— Первое время проверяли карманы, теперь надоело.

— Спасибо, — выдохнул он и решительно направился прочь.

— Постой! — Оклик догнал у самой двери. — А как Ален?

– Ленс замечательный мальчишка, – полуобернувшись, искренне улыбнулся Инквар и вышел на улицу.

Лавиния не смотрела ему вслед, взгляд женщины был прикован к камню браслета, светившемуся ровным, золотистым светом. Незнакомец, пришедший под личиной ленивого и туповатого Браша, похоже, так и не догадался, что минуту назад получил шанс на еще одну встречу с ней, успешно сдав экзамен на честность.

Беспрепятственно пройти мимо голубятни Инквару предсказуемо не дали, тот же парень стоял на дороге, поджидая разносчика с откровенностью человека, уверенного в своей силе. «Или в мощности своего хозяина», – незаметно хмыкнул Инквар.

– Чего ты так долго?

– Так вернули же! – обиделся разносчик и хмуро добавил: – А тебе какое дело?

– Хлеба хотел заказать на завтра. А зачем возвращали-то?

– Зеленщику надумали писать, чтобы не присылал больше петрушки и мелиссы, своя выросла, – сердито буркнул лже-Браш и деловито осведомился: – Так сколько хлеба принести? И какого?

– Да думаю... – испытующе глядя на Инквара, протянул ловец, явно колеблясь, потребовать ту записку или нет, потом неохотно проговорил: – Впрочем, не нужно. Тяжеловато тебе будет, по жару-то. Нам еще кое-чего нужно, лучше привезем на лошадке.

– Как знаешь, – лениво дернул плечом разносчик и по-прежнему неторопливо двинулся дальше.

Проходя мимо полуразрушенного строения, видневшегося в промежутках между остатками изгороди и разросшейся сиренью, искусник тщательно изучал все мельчайшие детали, какие мог разглядеть, хотя и не знал, пригодится ли ему это когда-нибудь. Но таковы уж правила искусников – всегда заранее готовить себе оружие, способы борьбы и пути отступления и говорить спасибо судьбе, если эти приготовления негодились.

Ну а если не повезло и сбылись худшие опасения, то благодарили уже учителей за науку и самих себя, за собранность и предусмотрительность.

Идти назад было намного легче, тропка вела вниз и не давила корзина, и через полчаса Инквар входил в дом Марнека через черный вход.

– Ну? – Хозяин встречал его у порога кухни, где на лавке сладко спал подлинный Браш. – Как?

– Сейчас расскажу, – торопливо стягивая чужую одежду, кивнул Инквар и направился к прикрытому старым одеялом разносчику. – Но сначала одену его и отправлю восвояси. Дай воды, зелья капнуть.

Вскоре Браш, позевывая, спускался с черного крылечка, удивляясь, как его угораздило так сомлеть от пары кружек браги, и радуясь, что в полдень ему положен законный час отдыха и дядька не станет ругать за опоздание.

А переодевшийся господин Эринк, подробно рассказав ювелиру, как поживает сейчас госпожа Лавиния Базерс, ни словом не обмолвился о предстоящей встрече с ней. Марнек хороший человек, но это как раз тот случай, когда незнание гораздо безопаснее.

Впрочем, тот сам все понимал и лишь грустно признался, как хотел бы встретиться с людьми, с которыми его связывали не только деловые отношения.

– Если будет такая возможность, – твердо глянул ему в глаза искусник, – я постараюсь устроить эту встречу. А сейчас мне пора, но если я могу чем-то отблагодарить...

– За мои труды и тех вещей, которые ты зачаровал, более чем достаточно. Испытал уже, каюсь, не сдержал любопытства. Тарен был слабее... но человек замечательный.

– Не будем говорить слова «был», – тихо ответил Инквар. – Пока есть хоть маленькая надежда, надо верить.

– Не будем, – со вздохом согласился Марнек. – А вещи, которые ты просил, уже принесли. Вот, я сложил их в простой мешок. Тележку запрягать не стал...

– Не нужно. Сам знаешь, люди тут очень наблюдательные. Возьму извозчика.

К тому времени как солнце почти скрылось за дальними холмами, искусник успел переделать кучу дел. Закупил и привез в свой дом продукты и самые необходимые вещи, потом засучил рукава и на скорую руку убрал несколько комнат. Дом оказался не столько пыльным, сколько захламленным разными статуэтками, вазочками, шкатулками и прочими безделушками. С ними Инквар поступал просто: складывал в корзины и вытаскивал в чулан. Напоследок он растопил печь в купальне, нагрел большой котел воды и с удовольствием выкупался, в последние дни путешествия они умывались наскоро, зачастую почти холодной водой. Но не столько спешка была тому виной, сколько нежелание испортить кратковременные личины. А теперь можно было смыть с себя несвойственную ему смуглоту и темноту волос. Мужчина, которого могли приметить возле дома ювелира, должен был исчезнуть.

Мало кто знает, как невероятно трудно, почти невозможно все время скрываться под личиной. Но особенно тяжело жить под двойной, не походя на самого себя не только внешностью, но и образом жизни, манерами, поступками.

Инквар и раньше не собирался долго играть чужую роль, а теперь и вовсе постепенно склонялся к решению сменить образ жизни. Раз судьба занесла его так далеко, да еще и подбросила ученика, он вполне может попытаться хоть немного побыть самим собой. Вот только сначала выяснит, какая помощь нужна Лавинии, желает ли она поселиться в одном из мест, защищенных гильдией наемников, или уехать в тихий городок, и поможет им перебраться. А потом устроится неподалеку и начнет потихоньку, вместе с друзьями и Кержаном, искать следы Тарена, попутно отдавая Ленсу те знания, которые могут ему пригодиться.

«Размечтался», – усмехнулся искусник, причесывая перед мутноватым зеркалом еще влажные волосы. Совсем забыл, как капризно и непредсказуемо ведет себя в последнюю луну его судьба. Словно она из той строгой, но доброжелательной тетушки, какой почему-то всегда виделась ему, вдруг превратилась во взбалмошную, упрямую девчонку вроде Лил.

Едва стемнело, искусник в невзрачной, темной одежде стоял в кустах неподалеку от постоянного двора, где они с Дайгом договорились встретиться, когда, напрочь перечеркнув все старые планы, изобретали новый.

И первым шагом этого плана было приобретение в месте последнего ночлега довольно неказистой тележки с пологом, в которую Гарвель с Дайгом намеревались усадить детей Тарена. Сами наемники собирались ехать верхом, и вовсе не ради любви к подобному способу путешествия, а на всякий случай. Никто не знает, с какими сюрпризами можно столкнуться на подъезде к городу.

Светлые точки знакомых амулетов Инквар рассмотрел, когда до первого появившегося из сумрака всадника было еще шагов пятьдесят, и, выходя на дорогу, мимоходом удивился возросшей чуткости своего браслета, но сразу же об этом забыл. Условный свист заставил

путников придержать коней, но уже через минуту, слегка подвинув Ленса с кучерской скамейки, искусник уверенно направлял тележку к своему новому дому.

— Мы тут вылезем, — через некоторое время раздалось у него за спиной ледяное шипение. — Если не остановишь, прыгну.

— Она дома не живет, — оглянувшись, тихо и примирительно сообщил Инквар. — Там заперто.

— Мы найдем, — процедила девчонка сквозь зубы. — Останови.

— Я уже нашел. Обещала прийти, как стемнеет. Если вы сейчас слезете, можете разминуться, — не собираясь исполнять ее указаний, мягко объяснил искусник, держа наготове пилюлю с сонным зельем.

Устраивать ночью посреди города суматоху, гоняясь за упрямицей, было по меньшей мере неблагоприятно.

— Лил! — просительно протянул Ленс, перелезая под укрытие полога. — Ну Ли-ил...

— Ладно, — помолчав, неохотно бросила ему сестра и, не добавив больше ни слова, отодвинулась в самый угол.

К воротам своего дома Инквар сворачивал в полной темноте, в этой части города не было принято вешать фонари просто так. Лишь у входа в небольшой трактир, расположенный на пару сотен шагов дальше, покачивался неяркий светильник, привлекая внимание запоздалых путников.

— Конюшня тут маленькая, — предупредил Инквар друзей. — И сена нет. Но коней можно привязать во дворе.

— Чтобы соседи утром гадали, что это у тебя за сборище? — устало фыркнул Гарвель. — Нет уж, лучше распряжем лошадей и отведем в то заведение в конце улицы. А через полчаса вернемся, если тут есть где ночевать.

— Места всем хватит, — не стал спорить новый хозяин, принимая справедливость этого заявления, и в который раз порадовался за себя.

С того момента как учитель объявил его мастером и отпустил в свободную жизнь, Инквар успел убедиться, как мало в мире тех, кто готов дружить просто так, ничего не требуя взамен. Некоторые в выборе друга руководствовались простым принципом «ты мне, я тебе», другие предпочитали заводить приятелей только из людей своего круга, многие старались завести дружбу с более сильными, богатыми и значимыми личностями. И лишь единицы дружили с теми, с кем столкнула судьба, накрепко связав общими делами, принципами и отношением к людям. И вот эту дружбу он со временем определил как настоящую и именно о ней тосковал, слушая льстивые рассуждения Фертина, называвшего искусника лучшим другом, но не забывавшего проверить раз пять, прежде чем выдать кошель с парой сотен монет.

— А еды?

— Я принес. И чай есть, и вода в купальне горячая. И даже одежду местную купил, помог один друг, — терпеливо пояснил Инквар, провожая детей к низкому заднему крылечку. — Ленс, вот ключ, ваши комнаты на втором этаже слева. Везде убрать я не успел. Располагайтесь и купайтесь.

— В горячей воде? — сообразительно поинтересовался мальчишка.

— Ну конечно, — мягко улыбнулся искусник. — Идите, поговорим потом.

Хотя о чем тут говорить? Если придется уходить, то личины он и сам всем сделает, в пути просто не хотелось показывать свое мастерство незнакомым травницам. Но если

Лавиния все же решит остаться здесь, то придется придумывать, как защитить детей от притязаний барона. Искусники не имеют права оставлять подопечных, пока не убедятся, что тем не угрожает абсолютно ничего.

— Это одежда детям. — Подошедший Дайг опустил на крыльцо пару туго набитых мешков. — Мы уходим, ворота сами закроем, скоро вернемся.

— Жду, — проводил друга взглядом Инквар и, подхватив поклажу, шагнул в темноту распахнутой двери.

Он не сразу понял, что именно насторожило его, но, как обычно в таких случаях, не раздумывал ни мгновения. Отшвырнул в сторону свою ношу и стремительно ринулся за поднимающимися по лестнице детьми, точно зная только одно: он должен их опередить, заслонить собой и, если нужно будет, принять на себя первый удар.

— Эринк... — изумленно ойкнул резко отставленный на нижнюю ступеньку Ленс, дикой кошкой сердито зашипела Лил, когда искусник, бесцеремонно прижав ее к перилам, вырвался вперед, выдергивая из кармана флакончик.

— Оказывается, — мелодичный женский голос, раздавшийся сверху, был безукоризненно вежлив и спокоен, — все мы отлично видим в темноте.

Инквар остановился как вкопанный, рассмотрев на верхней ступеньке стройный женский силуэт.

— Мама... — слаженно охнуло позади него, и теперь уже Инквара оттолкнули в сторону и тут же забыли о нем, оставив одиноко стоять посредине лестницы.

Несколько мгновений он озадаченно смотрел, как два смуглых подростка, всхлипывая, тискают женщину в невзрачном платье и надвинутом на лоб платке, потом развернулся и пошел вниз. К приходу друзей нужно было переделать немало дел, отнести наверх багаж, зажечь свет в столовой, где он заранее плотно занавесил окна, и подать на стол еще одну тарелку.

А заодно попытаться понять, сколько тайн своего ремесла Тарен Базерс доверил жене и чем это может обернуться лично для него, Инквара.

Однако ни одного из намеченных дел он исполнить так и не успел. Едва сошел с лестницы и поднял мешки, как его окликнула спускавшаяся вниз Лавиния:

— Господин Варден, я глубоко благодарна вам за возвращение моих детей. Сейчас мы уходим, мой городской дом всего в четверти часа ходьбы отсюда, и завтра я жду вас к обеду.

— А вы уверены, что за домом не следят? — ляпнул Инквар первое, что пришло ему в голову.

— Почти, — сухо усмехнулась Лавиния. — Но теперь это совершенно не важно. Я ничего не украла и не собираюсь ни прятаться сама, ни скрывать своих детей.

— И вы на самом деле считаете, — обдумывая ее слова, медленно произнес искусник, краем глаза следя за Лил, — будто ваш дядюшка откажется от такого лакомого кусочка и оставит вас в покое?

— Мы обсудим это своей семьей. — С каждым словом голос Лавинии становился все холоднее. — И обязательно придумаем, как нам жить. У меня очень умные дети, господин Эринк! А теперь прощайте, все мы устали и хотим отдохнуть.

Разумеется, Инквар мог бы ее остановить, их всех. Хотя ни на миг не сомневался, как тщательно она собиралась, отправляясь сюда. Наверняка все предусмотрела, раз даже отмычки взяла. А о том не подумала, что он мог бы поставить на замок ловушку? Да и в доме тоже.

Но вовсе не это сейчас главное. Допустим, он всех усыпит, но ведь когда-нибудь они должны будут проснуться? И в тот же момент дети возненавидят его так яростно, как ненавидят только лютого врага.

— Прощайте, — собрав всю силу воли, приветливо улыбнулся искусник и вежливо отступил в сторону, опуская на пол багаж.

Лил шла мимо него первой и лишь на краткое, почти неуловимое мгновение приостановилась, словно хотела что-то сказать. Не сказала, сильнее прищурила узкие глаза и прибавила шаг.

— Отец... — замер напротив Ленс. — Ты придешь завтра? Вы все...

— Если и приду, то один, — легонько хлопнув его по плечу, мягко сказал Инквар. — Не стоит показывать всех моих друзей шпионам Корди. Не заслужили они такого дорогого подарка.

— Правильная мысль, — сухо похвалила Лавиния, подталкивая сына к выходу, а проходя мимо искусника, безразлично добавила: — Но в этом городе каждый новый человек через пару дней становится известен всем.

— Спасибо за совет, — едко бросил Инквар закрывшейся двери, мимоходом зло пнул мешок и направился в столовую.

Дел вдруг резко поубавилось.

Первым делом искусник разжег огонь в открытом очаге, повесил над ним котелок и вывалил в него жареное мясо, купленное в одной из харчевен. Затем застелил стол чистой скатертью и расставил на ней немудреную посуду и остальную снедь. Порезал толстыми ломтями ковригу хлеба и толстый кусок ветчины, очистил несколько сладких синих луковок.

И лишь убедившись, что к приходу друзей все готово, присел в продавленное кресло возле очага и позволил себе прислушаться к бушевавшим в душе эмоциям, но не разрешая им полностью захватить свой разум. Во рту и без того отдает едкой горечью нечаянно разгрызенного зернышка горчицы, какими присыпают свои лепешки южные хлебопеки. А если позволить себе окунуться во вскипающую обиду всецело, то появится желание что-нибудь разбить или бросить все и уйти, раз и навсегда отказавшись от благородных, но таких нелегких и неблагодарных принципов ремесла.

Он ведь может спокойно прожить, устроившись в каком-нибудь маленьком селе, неподалеку от одной из артелей травниц. Начнет тайком им помогать, по вечерам ожидая условного стука в черную дверь, и потом ловить в объятия теплую, пахнущую разнотравьем и солнцем посланницу. Ну а для отвода глаз откроет маленькую мелочную или ювелирную лавочку, а то и вовсе цирюльню. В том тихом и мирном поселке не нужно будет никуда убегать и никого спасать, там можно каждый день гулять по окрестным лугам и рощам. А еще встречать рассветы и закаты, сидя с чашкой чая на балкончике собственного дома, и копаться по весне в садике, подрезая розы и подвязывая клематисы и виноград.

Но самое главное, там будут ценить его самого, а не его поделки, и благодарить за все будут щедро и искренне душевным теплом и заботой, а не золотом и уж тем более не завистью и злобой.

Инквар горько ухмыльнулся, выныривая из малодушных мечтаний, в которые уходил лишь в самые тяжелые мгновения своей жизни, встал, помешал мясо и снова сел на место.

Как бы ни хотелось ему забыть о неожиданном поступке Лавинии, ничего из этого не выйдет. Разум, привыкший вспоминать и анализировать каждое свое и чужое действие и слово, жаждал включиться в привычную работу. Да он и не дремал ни мгновения, потихоньку разбираясь в тайных и явных причинах произошедшего, выискивал и сортировал доводы, отвергая одни и бережно складывая в копилочку другие.

Как он уже ясно понимал, ничего она не сделала наспех, под напором нахлынувшей радости от встречи с детьми. Нет, скорее всего решение она приняла уже давно и не по разу взвесила всю его выгоду и правильность, тщательно продумав способы достижения желаемого. Инквару определенно повезло, что он не стал спорить с женой Тарена и не попытался ее остановить. Тогда бы его вернувшихся друзей наверняка ждало намного более неприятное зрелище, чем натопленная купальня и ужин у очага. Такие самостоятельные и упрямые женщины ради достижения своих целей имеют обыкновение не особо церемониться со вставшими у них на пути людьми.

Мясо напомнило Инквару о себе яростным шкворчанием и запахом, и он, сняв котелок с огня, переложил жаркое на блюдо. Как раз вовремя, судя по раздавшимся в прихожей шагам.

На краткий миг вспыхнула в душе безумная надежда, что вот откроется дверь и войдут смуглые, как степняки, подростки... но он безжалостно ее задавил. Не войдут, связь кровной клятвы действовала все крепче, и он уже даже без амулета ощущал подопечных на

расстоянии в полсотни шагов. Хотя и снял с Лил все ментальные запреты, еще вчера снял, уходя в ночь из теплого пристанища. Впрочем, запрет был совсем слабенький, девчонке хватило бы одного рывка, чтобы оборвать его самой.

Дверь распахнулась, впуская двоих мужчин, несущих корзинки с едой.

– А дети еще моются? – бегло оглядев комнату, невольно насторожился Дайг.

Поставил на край стола свою ношу и начал мрачнеть, наблюдая за спокойно усаживающимся к столу искусником.

– Их уже нет, – безразлично ответил тот и откусил чуть ли не пол-ломтя хлеба.

– Как это? – сел напротив Гарвель, помолчал и сочувственно посоветовал: – Запей чаем, а то подавишься. Так что тут произошло? Рыжая нашла способ от тебя удрать или ты ее выгнал?

– Мать их забрала, – понимая, что отмолчаться не удастся, так же равнодушно произнес Инквар. – Поэтому поздравляю. Мы все теперь свободные люди, можем делать все что угодно. Для начала закатим праздничный ужин... Вы вина не купили?

– Искусники не пьют вино, – не поверил Дайг.

– Это неверная информация. Искусники никогда не напиваются в зюзу, не пьют по пустячным поводам и без них, но, закончив трудное дело, могут выпить пару бокалов хорошего вина.

– Спасибо за разъяснение, – вежливо склонил голову Гарвель. – Но вина нет. А даже если бы и было, я разбил бы бутылку, но тебе не дал. И считать себя свободным отказываюсь, мало ли какая блажь пришла в голову нервной женщине. Поэтому сначала мы поедим, потом поговорим, а только после этого будем делать выводы.

Инквар только усмехнулся. Все сказанное другом было бы очень верно, если бы Лавиния не была женой искусника. Но она была, и, судя по всему, тот очень многому ее научил. Да и амулетов с зельями, несомненно, оставил жене предостаточно, как своих, так и чужих. Вот потому-то Инквар никогда не станет сталкивать ее с друзьями, слишком они ему дороги, чтобы испытывать на них и детях силу тех вещей и степень умений Лавинии. Ведь, по сути, искусники отличаются от тех, кто пользуется их поделками, только умением ощущать потоки энергии и заряжать камни, все остальное – результат упорных тренировок.

Некоторое время ужинали молча, потом Дайг, хитро переглянувшись с ювелиром, ушел купаться.

Вернулся через полчаса свежий и подтянутый. Облачен телохранитель был в черную одежду, подобную той, какую носят, идя в ночной дозор, ловцы и ночники.

[Купить полную версию книги](#)